

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25-го сентября 1930 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

65 ✓

25-го вересня 1930 р.

Р Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Сергей Маргушин*: Вольному Казачеству.
 2. *Олександр Півень*: У лагерьх під станицею Уманською.
 3. *Ив. Томаревский*: * * * Стихи.
 4. *Любовь Самсонова*: Возвращение.
-
5. Наш ответ г-ну Мельникову.
 6. *Шамба Балинов*: Запоздалый „сполах“ Н. М. Мельникова.
 7. *П. И. Кокуцько*: Наше прошлое.
 8. *Н. Нечуй-Левчицкий*: Пушкин — народный комиссар.
 9. Думы и мысли.
 10. Казачье колонизационное дело.
 11. Казачья эмиграция.
 12. В Казакии.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Бельгия. — П. Б. — Просьбу исполняем. Привет.
Франция. — И. Ш. — Спасибо. Привет.
Франция. — В. Н. — Хорошо. Привет.
Румыния. — В. Д. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
Канада. — Е. Б. — Все получено. Привет.
Франция. — И. С. — Получено. Привет.
Париж. — Д. В. — Получено. Ответ — письмом. Привет.
Польша. — А. К. — Получено. Спасибо.
Франция. — П. К. — Получено. Привет.
Болгария. — Т. Л. — „Возмущение“ получено. Таких вещей без собственной подписи автора поместить не можем. Привет.
Франция. — П. К.-С. — Пришлите что небудь на пробу, — побачимо. Вітаємо.
Польша. — Е. К. — Получено. Привет.

Бразилия. — В. К. — Листа В. одержали. Дуже дякуємо за інформації. Зараз ведемо колонізаційну акцію в Півн. Америці. Коли б треба було, то Вас запитаємо пізніше. Вітаємо.

Нью-Йорк. — В. Т. — Получено. Привет.
Югославия. — Вл. К. — Присылайте окончание. Привет.

Страконице. — Г. Л. — Спасибо. Привет.
София. — Г. Г. — Информации Ваши получены. Происхождение г. Мельн. и мы знаем. Думаем, что того, что есть уже в настоящем номере, для ответа ему вполне достаточно. Привет.

Югославия. — П. К. — Присылайте продолжение. Привет.

Югославия. — В. К. — Все будет хорошо. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

А. Шапошников. Сливен.

С. Мукуленов. София, кв. Х.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопље.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

M-r Ivanoff, cantine russe, „С. G. c. V.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. И. Абушинов. M-r Abouchinoif, Cite Naval, 28 Couëron (Loire Inf.)

В ПОЛЬШЕ:

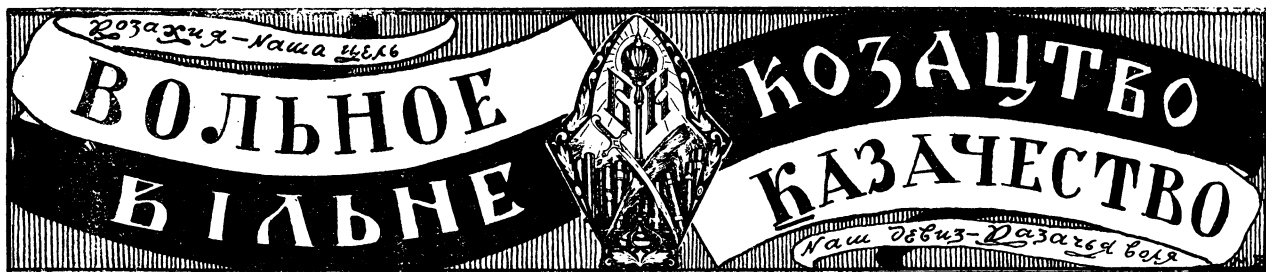
В. В. Фесенко. W. P. Ing. V. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 65

Прага, четверг 25-го сентября 1930 г.

№ 65

Сергей Маргушин. (Румыния).

ВОЛЬНОМУ КАЗАЧЕСТВУ.

Пусть нас немного —
Самостийных казачьих голов;
Пусть вокруг нас кипит злоба
Вековых наших лютых врагов;
Пусть как и прежде шипят, извиваясь,
Как удав обвивают кругом —
Мы идем, ни на что не взирая, —
Стяг свой Казачий высоко несем.
Битвой кровавой — возьмем свое Право,
И Вольность Казачью — мечем обречем.
Мы выступим смело — с открытым забралом.
Стяг свой Казачий — в Степях развернем.
Пусть кровью окрасятся бурки,
Пусть ярче краснеет лампас —
Мы прадедов славных правнуки
И кровь их струится по жилам у нас.
Нам в помощь — Вождей наших Тени,
Что пали за Вольность Казачьей Земли,
Что пытки и муки терпели, —
Из мертвых воскреснут Они.
Воскреснет изгнанник Некрасов,

Распятый седой Булавин,
Кулабухов-рыцарь, герой-Каледин,
И тысячи павших за Волю Казачью.
С под пепла родных городков,
Сожженных Московским „Нероном“ —
Восстанут сот-сотни казачьих голов —
Все — жертвы российских терроров.
Пристанут потом к нам все — те,
Кто здесь малодушно молчит,
Кто там краснокровной Москве
Из страха иль рабства пытался служить;
Кто в брата все камнем бросает
И низко клеветает, предательски лжет,
Казакую-Мать распинает
И цепи на Вольность Казачью кует...
В Едином Союзе Степных всех народов —
Мы Станом Казачьим одним
Казакую нашей там счастье заложим
И Флаг свой Союзный в Степях водрузим:

12-VIII-1930.

Олександр Півень (М. Забігайло).
(Югославія).

У лагерях під станицею Уманською.

Сцена в козацького (чорноморського) побиту у 4-х картинах.

КАРТИНА IV.

У лагерях уже добре звечеріло. На небі виспало безліч зірок, а вслід за ними зійшов повний, ясний місяць і легесенько пливе собі по небові, все вище та й вище, обзираючи з небесної височини чималий табір козацьких палаток і усю лагерню будівлю, що розкинулася по-над річкою Сасикою, мов великий станишний ярмарок.

Скрізь, по усіх полкових сотнях, козаки уже поверяли і помалу укладаються спати: хто на дерев'яних нарах, а хто прямо на землі, поміж палатками, підславши під себе, у кого що було: повсть, рядно, або пітник од козацького сидла. Тільки у центрі лагерів іще кой-коли заграє духову музику, або заспіває хор козацьку пісню, та із лагерного степу, раз-у-раз, як пові вітерець, чуть іржання або топін великого кінсько-

го табуна, у якому пасеться до трех тисяч стройових козацьких коней.

На передньому плані, поміж двома чималими палатками, тільки-що росташувалось прямо на землі і уклалося спати з десяток чи й більше козаків. Де-який з їх укрався буркою, інший — ватяним бешметом, або полушубком, а як які — так просто сірою свитою, або рядном. Двоє чи троє ще тільки розувались, або роздягались і спати ще ніхто не спав, а де-які курили цигарки та поміж собою балакали. Усі дожидали свого зводного урядника, що був добрий співака і танцюра, та через те сьогодні увесь день був коло панів у козацькому хорі, та ще і досі не вертався у свою сотню.

Ява 1.

1-й козак. (Одкінувши бурку, сів на підосланій повсті). Не знаю, чи воно блохи кусають, чи так чо-

Казаки, верьте в самих себя, верьте в свои силы!

го-сь не спиться... Мабуть треба закурить цигарку... (Шукає кисет). Туди к чортовому батькові! Я і забув, що викурих увесь табак, а купить не купив... Хлопці, у кого є ціла пачка?

2-й козак. У мене є, а що?

1-й козак. Ну, ото й добре: дай мені у позик, а я завтра куплю та й оддам.

2-й козак. Еге, чорта пухлого я тобі дам!

1-й козак. Чого?

2-й козак. А ти мені давав?

1-й козак. Коли?

2-й козак. Коли? А ти уже й забув? Позавчора.

1-й козак. Так у мене в самого було мало.

2-й козак. Та брешеш! У тебе в кисеті було повно, та в сундуці, як ти розчиняв, я бачив аж дві цілих пачки.

1-й козак. Та то тобі показалось... Чом би я не дав, як би в мене було?...

2-й козак. Брешеш, я своїми очима бачив!.. та й усі за тебе скажуть, що ти не любиш з товаришами поділяться, а як тобі чого треба, так ти тоді на словах щедрий та добрий!..

Де-х то. Що правда, то правда, а правдою не задражниш!..

3-й козак. Колиш і я просив, так ти мені не дав, хоч і був у тебе табак... знаю я тебе, що ти скупий, як той чорт!..

4-й козак. Та чого ви на його накопились? Він чоловік добрий: як спить, так і їсти не просить, а як устане, так од хліба та од соли чорт його й оджене! (Сміється).

5-й козак. Постоїте, хлопці, подождіть! Чого ви, справді, прискались до його, як жаба до каченяти? Ви брехать — брешіть, та тільки не дуже. Коли він вам не давав, так мабуть і давать було не слід, а ось мені так він давав у позик аж два рази... Через те і я йому зараз дам, бо у мене є зайва пачка... (шукає в сундуці) Ось на тобі пачку, а завтра купиш та й оддаси!..

1-й козак. (Бере табак). От, спасибі тобі, брате, що вирятував мене у великій біді, бо з оцими махаметами пропадеш, не куривши!..

3-й козак. Сам ти — махамет і батько твій махамет, та й дід був махамет!..

1-й козак. (З погрозою). А ти почім знаєш, хамська твоя невіра, хто такий мій батько і який був у мене дід?

3-й козак. Бачу я по тобі, що увесь завод твій отакий! Який батько, такий і син — викрали із діжки сир... (Сміється). Га-га-га!

1-й козак. Гляди лиш, не дуже-то регочи, як жеребець!..

3-й козак. А хіба що?

1-й козак. Бо як устану, та набью тобі пику, так тоді знатимеш, який мій дід!

3-й козак. Ова! Бач який хвабрий, а я того й не знав! Чим же ти мене будеш бити? Кулаком? Так отака справа, слава Богу, і у мене є, ось — бачиш? (Показує кулак).

Ява 2.

По-за палаткою чуť голос: „А ну, смирно!“ а потім до козаків підходить урядник.

Урядник. Чого це ви тут завелись?

1-й козак. Та то ми шуткуємо, господин урядник. Позичав я у хлопців табаку, а вони не дають, так через те і завели балачку на увесь голос!..

Урядник. Глядіть мені!.. Балакать — балакайте, а лаяться нічого... Та не дуже в голос і балакайте, бо усе козацтво у лагерях спить полягало!..

3-й козак. А що музика грає, господин урядник, так то й нічого? Адже-ж і вона спить не дає?..

Урядник. А ну, цить — лиш! Не базікай! Яке твоє діло судить начальство та козацьку старшину? Про те вам — зась!

3-й козак. Винуват, господин урядник!

2-й козак. Дозвольте спитать, господин урядник, тільки не навспражки, а так — шуткуючи?

Урядник. А ну, питай, та тільки гляди: шутки — шутками, а хвіст на-бік.

2-й козак. Чого це ви, господин урядник, цілий

день коло панів співаєте та танцюєте, а ще й і досі не п'яні?

Урядник. Бо свою службу знаю. У службі, брат, так: пий та не впивайся, щоб усяк час тверезий був та козацького звання не втерев.

5-й козак. Та пани, мабуть, не дуже то козакам по чарці дають... вони більше сами п'ють!..

Урядник. Ні, було усім нам багато і горілки, і закуски... Хто хотів, так добре випив, а я пив помалу, бо неохочий я напиватись п'яний, особливо, перед начальством!.. Ось тільки зараз узяла мене охота випити з вами, хлопці.

4-й козак. А хіба що?

Урядник. Та нічого. Кажу — охота взяла бо там, коло панів, я добув сьогодні таки добру копійку, та ідучи сюди, купив цілу четвертину горілки. (До 4-го козака) А ну, піди, Сайфуда, он там за палаткою стоїть сулія, — принеси її сюди.

(Козак Сайфуда іде за палатку і приносить відтіть, четвертину — повну горілки).

5-й козак. Так це ж до горілки і закуски треба, господин урядник?

Урядник. Та де ж її ноччу візьмеш — ту закуску?

4-й козак. А ось тут у хлопців щось, мабуть єсть!..

Урядник. Як що єсть у кого, так давайте, та пошукайте на горілку і доброї мірки.

3-й козак. Мені сьогодні прислали із дому сала кусків три, та дві палинці!..

1-й козак. Та єсть і у мене сало, бурсаки і пиріжки з сиром — батько сьогодні привезли.

Урядник. Ого, так у вас, хлопці, хватить закуски на цілу сотню.

3-й козак. Ну, так ми зараз налагодим закуску, та пошукаєм на горілку й мірки.

Урядник. Добре. Та тільки, хлопці, робіть усе тихенько: не колошкайте тіх, що сплять.

(1-й і 3-й козаки пішли у палатку).

Ява 3.

2-й козак. Здається, музика уже перестала грать, бо давно не чуť.

Урядник. Зараз усі пани поїдуть у станицю Уманську, бо як я ішов сюди, так там стояло запряжених тачанок мабуть з десятків, як що не більше.

2-й козак. І відкіля їх стільки назганяли?

Урядник. З Уманського Правління прислано три чи чотири, та у станишніх отаманів, які ще не виїхали з лагерів додому, єсть тачанок більше десятка.

4-й козак. За цілий день пани, мабуть, нагулялись добре — по саму зав'язку, і тепер спатимуть усі, як коти у запічку!..

5-й козак. Еге, чортового батька вони спатимуть! Вони будуть ще в клубі до самого світа у карти грать!

Урядник. Ні, сьогодні не прийдеться їм у карти грать!..

5-й козак. Чого?

Урядник. Сьогодні буде зроблена в клубі од усього офіцерства прощальна вечеря Начальнику військового Штаба, а ноччу одвезуть його усі гуртом на Кисляківську станцію та посадять у поїзд.

4-й козак. Так це їм, сердешним панам, буде ще клопіт сьогодні багато!..

Урядник. Клопоти тут звісно які: їдять, п'ють, співають та танцюють, бо це-ж не служба, а гульня. Начальник нашого Кубанського військового Штаба, це, брат, велика персона: треба, щоб він був задоволений і службою, і гульнею. Перед ним і станишні отамани і усе начальство дуже пнеться та старається, бо він там, у Катеринодарі керує усіми ділами, усією козацькою воєнною справою!..

5-й козак. Придивився і я сьогодні на його у раді!.. неначе й строгий, а дуже гарний пан!..

2-й козак. Бідовий, швидкий і чисто усе бачить, що кругом його робиться!..

4-й козак. Кажуть, він з німців, чи що!..

Урядник. З німців, а чоловік дуже щирий до нашого козацтва!.. видно, що йому здорово допали, прийшлись до душі усі наші козацькі звичаї!.. як проспівав-

мо оце ми яку пісню, а вона йому дуже понаравиться, так зараз зірветься з свого стільця, підскочить до нас і почне дякувати: „Молодці казаки! Спасібо! А ну, за ету пісню по чарці горелки!“ Ляпає нас по плечах, сміється, до усякого балакає, а як коли, так ще якого і поцілує...

2-й козак. Так от, дивись ти, який гарний пан...

Урядник. А угадайте, хлопці, скільки він мені дав, як я протанцював свого „пьяного козака“?

4-й козак. Та може цілого трояка дав!

Урядник. Де там трояка — більше!

4-й козак. Так що-ж, хіба синицю?

Урядник. Більше!

4-й козак. От-це, дивіться, і не вгадаєш... скільки-ж тоді? Хіба може десятку?

Урядник. Де там десятку, коли дав цілу четвертну... двадцять п'ять цілкових, як одну тобі копіюку.

Усі. Ого! Оце так! Дивись-ти!

Урядник. Еге. Як скінчив я танцювати, так він швидко підійшов до мене, поцілував, а тоді винняв четвертну, дає при усьому панстві, та й каже: „вот етого молодца нужно наградить як следует: он і службу свою знає, і хорошо співає, да ещо і чудесно танцює“... А пани, дивлячись на його, давай і собі виймають із партаманетів гроші, та й наскидали мені гуртом іще рублів з тридцять...
Усі. Ото-так! Отака ловись! Сип у нашу торбу!

Урядник. Так от бачите як, хлопці! Можна зробити добру копіюку не тільки головою, чи руками, а кой-коли можно і ногами, як оце я сьогодні! За пів-часа заробив на пару добрих бичків...

2-й козак. Це прямо диво та й тільки! І де ви, господин урядник, вивчились танцювати отого „пьяного козака“? Колись я бачив, як ви його танцювали, та іще тоді подумав, що ніколи-б я зроду отакечки не вивчивсь... Уже-ж так гарно та до-діла, що далі нікуди...

Урядник. Ніхто з козаків отак не танцює, як оце я... Як був я іще на службі за Кавказом, так і там не бачив, щоб хто танцював отакого гопака... я й сам тоді не умів його танцювати, а вивчився ось недавно, уже як вернувся із служби додому...

2-й козак. Де ж ви тут вивчились?

Урядник. Вивчився я од одного чоловіка, а заповав його на ярмарку... тоді я був саме старшим казначейом, а в-осени, на Покровському ярмарку, дуже багато було мені клопіт, бо ярмарок стоїть аж дві неділі, і треба було щодня одбирати гроші за міста та видавати квитки... Одного разу зайшов я увечері у трихтирь... а було там дуже весело, народу усякого було повнісінько і грала духова музика... під музику кой-коли танцювали наші козаки або леггинку з княжалами, або-ж простого дрібного станишого гопака... Сказати поправді, гопака у нас танцювати добре не вміють... Колись, кажуть, запорожці дуже добре його танцювали, а тільки, як перейшли вони жить на Кубань, та завелась війна з черкесами, так ніколи було гопака танцювати, а треба було десятками літ боронити свій край од завязятого та невиспучого сусіда-ворога... Отак і забули наші діди-прадіди свого гопака, а вивчились од черкесів танцювати леггинку та наурську...

4-й козак. Еге, есть козаки, а найбільше урядники, що танцюють леггинку дуже добре.

Урядник. Умію і я її добре танцювати, та тільки зараз мало в тому дива... так ото сидю я у трахтирі та дивлюсь, як козаки танцюють, а один з козаків, що сидів рядом зо мною, і каже: „Погано танцюють, прямо й дивиться нінащо... ось тут є один новгородній чоловічок... отой танцює, так-так“... — „А ти ж почім знаєш?“ — питаю я в його. — Та він у мене живе на квартирі... як ярмарок з'їхався, так і він заявився... уже з неділю у мене живе, за квартиру нічого не платить, а горілочку щодня смочке... видно по всьому, що п'яниця гіркий та й усе... а що танцюристий, чортів син, так отакого другого танцюри, мабуть, і у цілому світі немає...“ — „Аде-ж він?“ — питаю я. — „Та ондечки у кучотку сидить, коли хочете, так я зараз його покличу“. — „Добре, кажу, поклич“. — Прийшов той чоловік, а я бачу, що він увесь обідраний та, видно, ще й голодий, зараз почастував його горілкою та дав йому їсти. Завели ми балачку про танці, а він мені й

каже: — „Коли хочете, я зараз затанцюю „пьяного козака“, — це самий найкращий запорозький танець-гопак“. — Найшли ми йому не гостру шашку, надів він на себе старенький бешметок, підперезався широким поясом та обув козацькі чоботи, а тоді й каже до музикантів: — „Чи тямте ви граць доброго гопака?“ — Ті йому заграли. Замахав він на їх руками. — „Постойте! Це, каже, не гопак, а чорт-зна-що: тільки старім бабам під його дріпати!“ — „А якого ж вам?“ — питають. — „Може ви знаєте, каже, очю пісню: „Якийсь чорт мені надав на другій жениться, хіба ще не куштував, як з жінкою биться“, та й показав їм на голос... — „Знаємо“, — кажуть музиканти. — „Так ото-ж слухайте сюди: грайте мені сперва тихо і не швидко, а далі помалу усе швидче та й швидче, а як побачите, що я добре уже розійшовся, так тоді грайте рівно“. — „Добре“ — кажуть вони, та й зачали помалу награвать ту пісню. Поодсовували ми у трахтирі столи, прочистили слободне місто, а чоловік той став посередині і сперва зачав під музику удавать із себе пьяного: іде і шашкою підпирається об землю, а сам точиться то на один, то на другий бік. Далі став помалу викидять невеличкі колінця, а тоді як розійшовся, та як зачав одбивать гопака: і взад, і вперед, і боком, і просто якимсь колесом, так прямо наче перед нами не чоловік був, а якась заведена машина, — так ловко, мудро та гарно. Та сам танцює гопака, а шашкою таке виробляє, що аж страшно дивиться: то неначе одбивається од ворога, то когось сам рубає, а то просто швидко-швидко, як та блискавка, махає шашкою по-над головою, по-під ногами, то в один, то в другий бік...
2-й козак. Так то-ж і ви зараз чисто отак виробляєте, як танцюєте, господин урядник.

Урядник. Та звісно, що тепер і я так танцюю, як од його навчився... Наскидали тоді йому у трахтирі чимало грошей, а я після того покликвав його додому, і жив він у мене днів мабуть з десяток, як не більше, аж поки не вивчив мене добре танцювати того „пьяного козака“...

Ява 4.

Виходять із палатки 1-й і 3-й козаки, розстиляють на землі рядно і розкладають на йому хліб, сало, періжки, а посередині становлять сулію з горілкою та чарку.

Урядник. Ну, хлопці, тепер давайте випьем по чарці, та тоді хоч і спать будем укладатися... А ну, Сайфуда, наливай!

Сайфуда. (Наливає і підносить урядникові). Призволяйтесь, господин урядник.

Урядник. (Бере чарку). Ну, дай, Боже, здоров'я, хлопці! (П'є).

Усі. На здоров'я! Пийте на добре здоров'я, господин урядник!

Урядник. (До козака Сайфуди). Наливай, Сайфуда, сперва собі, а тоді давай усім підряд... та не треба до чарки приказувати, а пийте, хлопці, мовчки, та закусьайте, щоб швидче її попить, а то уже пізно...

Усі. Та й добре! Чуємо, господин урядник.

Урядник. А де Лаштабега? Хіба уже спить?

1-й козак. Спить у палатці, господин урядник.

Урядник. Треба-б і його покликати, бо він гарний хлопець; буде він усполі жалкувати, що його не розбудили... та як попьем горілку, так він нам що-небудь збреше, поки не засне.

1-й козак. (Гукає). Лаштабега! Чи чуєш? Лаштабега!

Голос з просоння. Та чога?

1-й козак. А йди лиш сюди! Чуєш? Ось урядник тебе кличуть!

Урядник. Іди, Лаштабега, випьеш чарку горілки. Голос Лаштабеги. Підждіть трохи, ось я зараз!

Ява 5.

Лаштабега. (Виходить із палатки). Осьдечки і я, господин урядник, як що вам треба!

Урядник. Та треба-ж, треба! А ну сідай, уряд та балакай з нами улад... та сперва випий чарку горілки.

Лаштабега. Так що-ж, я не од того: добре пить горілку, а не брагу, любить гарну дівку а не бабу...

3-й козак. Уже-жі чортячий тобі Лаштабега! Не успів очі продраць, та рота роззавить, як уже у його приказки та усякі вигребеньки так на язичі й сидять...

С а й ф у д а. (Наливає і подає йому чарку горілки). Ось на, випий чарку горілки, та збреши нам що-небудь.

Л а ш т а б е г а. Мені брехать — не ціпом махать, та тільки я й сам брехні боюсь: кажуть, брехнею світ пройдеш, та назад не вернешся...

У р я д н и к. Ти тільки не бреши навспражки, та людей не обманюй; а отак що-небудь чудне брехать та людей забавлять так то добре діло: усі тебе скрізь за веселі речі любитимуть та поважатимуть.

Л а ш т а б е г а. Ну, будьмо здорові, в кого чорні брови, а в кого чорний усок, тому й сала кусок, або з сиром періжок. (Перекидає чарку в рот і гладить себе по животі). Ех, пішла горілка по животу, як брехня по селу...

У р я д н и к. Ну, пийте, хлопці, а я буду помалу розбираться та спать укладатись... а ти, Лаштабега, справді, що-небудь нам розкажи, щоб було чудне та гарне.

4-й козак. Розкажи нам, як ви з дідом чумакували, а батька ще й на світі не було.

5-й козак. Або як у одному селі та дуже дурні люде жили...

1-й козак. Та ні, хлопці, нехай він зараз розкаже, як у старовину козаки служили...

У с і. А й справді! Ото гарна! Ану, Лаштабега, починай...

Л а ш т а б е г а. Добре. Слухайте ж, та не перебивайте, ато виїде такий куліш, що і в рот стидно буде взять...

3-й козак. Та ти тільки бреши, а ми уже й вуха понаставляли...

Л а ш т а б е г а. Це так колись молоді козаки сміялись та глузували із старих, та й видумали отаку брехеньку...

2-й козак. Та буде тобі приказувать: починай зразу!

Л а ш т а б е г а. Слухайте ж: Ну, яка тепер служба? Он як ми колись служили, так ото була служба, — не то, що зараз! Як збереться було наше військо, та глянеш на його здалека, так наче мак цвіте, або воронець у степу красніє. Коні були у нас усе циганської, або кімлицької породи, а на масть — якої хочеш! Сідла були дубові, стремена ясеніві, а за уздечки та підпруги, так і казать нічого: із самого найкращого реміню, з жерстяним набором... Ні, яка тепер служба? Тепер усе не так, як слід. Он як у нас було, так у кожного козака коло пояса і карбіж висить і кажний добре знає, скільки козаків у сотні: копа Романів, копа Іванів, копа Демидів, копа Давидів, копа Денисів, копа Борнів, — сім кіп, та й сотня!

У с і. (Сміються) Га-га-га-га!

Л а ш т а б е г а. (Розказує далі). Був у нас сотник Трохим Супоня — завзятий був з біса чоловік! Так тої було приказує: „надівайте, хлопці, на себе усе, що в кого є: одно, що не буде ні холодно, ні жарко, а друге — що куля не дошкулить. Так ми його й слухали: як надіне було козак на себе бешмет, а на його чекмінь, а тоді кожух, а зверху його свиту, а на неї бурку, так відкіль не глянь на його, кругом однаковий, як той дзвін; а як сяде козак на коня, так чорт його й з місця зворуше!

У с і. (Сміються). Га-га-га-га!

Л а ш т а б е г а. (Розказує далі). Як посідає ми отак на коней та й поїдем на війну. Виїхали ми раз у чисте поле, коли дивимось, аж якийсь чортів син на-

стромив на ратище кичку, а зверху неї жіночу шличку та й поставив нагорі, а ми-ж про те не знали, та з тією кичкою, з жіночою шличкою сім років, як сім часів провоювали. Стоїмо ми отак один раз, та з тією кичкою, з жіночою шличкою усе воюємо та й воюємо, коли глянемо на гору, аж відтіль де не взялись татари: з дрюччями та з паліччями, та прямісінько до нас і пруть! Ну, тепер, думаю я сам собі, мабуть уже не війна буде, а битва. Коли так: як зачали ми з ними битись, як зачали рубатись, так кров із нас, як та вода льється, а ремінні наші шаблюки аж бряжчать. Бились — бились на конях, та давай ще й долі. Татарів же було дванадцять, а нас сто двадцять, так ми до того дуробались, що порівнялись: їх стало дванадцять і нас дванадцять...

У с і. (Регочуть) Га-га-га-га!

1-й козак. Ото так вояки, чорт бив би їхнього батька!

Л а ш т а б е г а. (Розказує далі). Як вискочить тут татарин: гидкий, бридкий, пикатий та носатий, та як підскачить до нашого сотника, та як крикне: „Шурди-мурди!“ — А сотник йому: — „А йди, стерво, сюди!“ — Так татарин як підскачить до сотника та як репне його дрючком по спині, так тільки луна пішла! Як крикне тоді сотник Трохим Супоня: — „Хлопці, на коні!“ — А в мене, пане, кобила!“ — „Та сідай на кобилу, чорт її бери!“ — Так як я метельнувся, так за сім часів, як той горобчик, — сів!“

У с і. (Регочуть). Га-га-га-га!

У р я д н и к. (Регоче). Ге-ге-ге-ге! Так от собачої душі — козак! Отой джигитовку добре знав!

Л а ш т а б е г а. (Розказує далі). Як захватили ж ми тоді коней додому, так татари нас тільки й бачили! Біжу я отак по-під горою тихою кіньською ходою та й заскочив у балку. Заскочив у балку, зліз з коня та й заходився зараз кашу варить, бо дуже голодний був. Варив — варив кашу, та не достало як слід пшона, так я наварив галушок. Тільки що затовк салом, та засмажив цибулею, коли гляну, аж до мене татарюка на мурий кобиляці прямісінько до казана так і пре! Підскакує він до мене та й питає: — „Хурдо-бурдю!“ — „Галушки, кажу, варю!“ — „Штринь-бринь!“ — „Гречані!“ — Так він як вихватить із піхи ремінну шаблюку та як ударить мене прямо по голові, а вона обкрутилася тричі кругом шиї, та по губах мене тільки: бринь! Я такий був козак завзятий, що й тут не злякався! Як ухватю я пушку, як засуну в неї добру галушку, а поверх неї горячу юшку, та як бебехну того татарюку: ре-реп посередині його мимо! Так на тому місті тільки пилот схватився, а татарин наче кріз землю провалився! Так отак ми у старовину служили та свій рідний край од лютого ворога боронили...

У р я д н и к. (Сміється). Ге-ге-ге-ге! Гарна твоя брехенька, та мабуть оце й кінець.

Л а ш т а б е г а. Можна б іще додати, та слухать нікому: хлопці уже й горілку попили і спать усі поклалися...

У р я д н и к. Еге, давай, мабуть, і ми спать, бо завтра треба рано вставать.

Лаштабега пішов спать у палатку, а урядник покрився з головою своєю волохатою буркою. Усе в лагерьх уже спало кріпким козацьким сном, тільки коні в табуні помалу хрумкали зелену траву, та місяць плив по небові все вище та й вище.

Кінець четвертій картині.

23-VII-1930 г.

Ив. Томаревский. (Болгария).

* * *

Снятся нам поля родные,
Курени и Тихий Дон,
Дни счастливые бывые
Под тяжелый тихий стон...
Далеко мы от родимых,
Милых сердцу и уму,
Много лет уж сиротливых,
Одиноких на Дону...

И лишь вера в право наше,
Вера в Бога и в себя
Жизнь тяжелую нам красят,
Подкрепляют дни бытья...
Эта вера — час настанет —
Мы увидим край родной!
Вера эта не обманет —
Даст нам счастье и покой.

Любовь Самсонова.

(Прага).

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Рукою робкой и несмелой
Я постучу в окно...
Забьется пес остервенело
И цепью застучит в крыльцо.
Ты край занавески полинялой
Сожмешь в руке своей усталой
И, кистью принакрыв глаза,
К стеклу окна прильнешь, дрожа...
Твой голос хрипло спросит: кто там?..
Я глухо откажусь... чужой!..
И, притворив окошко плотно,
Ты дверь толкнешь своей ногой.
Сторожко выйдешь на крылечко,
Пытая взглядом темноту, —
И тени побегут от свечки
Дорожкой к дальнему кусту...

Пес будет лаять гулким басом,
Скакать и цепью греть;
А я прижмусь спиной к балясам
И сердце будет громко петь.
Ты спустишься по трем ступеням,
Еще раз крикнешь: кто же там?..
Я разорву руками тени
И упаду к твоим ногам.
Ты громко вскрикнешь от испуга
И голову к груди прижмешь...
Туман ночной вползет из луга
И ты от холода вдрогнешь.
Себе и веря и не веря,
Ты будешь долго целовать,
Руками будешь плечи мерять,
Сухие волосы ласкать...
И будут полыхать зарницы
Всю ночь по левым берегам...
Я буду спать, а ты — молиться,
Прильнув к Иисовым ногам...

Наш ответ г-ну Мельникову.

Глава Донского Правительства и председатель „Казачьего Союза“, г-н Мельников, на страницах своего „Р. К.“ (номера 6 и 7 за наст. год) выступил с большой статьей „о самостийности“. Выступил по поводу брошюры некоторых донцов „Ответы В. К. — наш ответ ген. А. Богаевскому“, но „обрушился“ вообще против самостийников.

Если бы г-н Мельников отвечал только авторам „Ответов“, мы прошли бы и мимо этого „ответа“, т. к. не хотели ввязываться в спор донцов со своим Атаманом.

Брошюру „Ответы“ издала не редакция „В. К.“ Мы не разделяем некоторых „методов“ „Ответов“. Но дело идет сейчас уже не о способах и формах борьбы, а вопрос стоит по существу — вопрос о будущем Казачества. Что касается способов борьбы, то, не разделяя некоторых из них, мы тем не менее (беря спор во всей его полноте) понимаем противников ген. Богаевского. В самом деле: что же делать донцам? ведь кроме открытого выступления (в печати или на собраниях) у них нет иного способа проявить недовольство своим когда то выборным Атаманом. А недовольство существует, ибо действительно же ген. Богаевский („наказный атаман“ по выражению „Возрождения“ в номере 1900 от 15 августа с. г.) на теперешнем посту своем не удовлетворяет весьма многих и многих казаков.

Мы не будем касаться и здесь специального донского спора (казаков со своим Атаманом). Коснемся только той части статьи г-на Мельникова, где он говорит о самостийниках вообще. Остановимся и на том, что же предлагает взамен самостийности сам Мельников, на его, так сказать, программе положительной.

Ругаться, конечно, легко. Говорить о том, как и что у других скверно, еще легче. Труднее хорошо сказать, чего ты хочешь. И посмотрите: сколько места посвятил г. Мельников „поношению“ самостийников и... как „умень“ он в этих местах. Но... как убог он там, где он пытается предложить свою программу! — В сущности — несколько общих фраз из политического словаря некоторых русско-эмигрантских изданий. Общих чужих фраз для решения казачьего вопроса — мало! Теперь уже казаки хотят и должны иметь казачье решение Казачьего Вопроса.

Впрочем обратимся к самой статье г. Мельникова. Прежде всего, несколько „общих мест“.

Читатели „В. К.“ прекрасно знают, что мы никогда не нападали первые ни на одну казачью группировку, хотя бы они молились и чужому Богу. Это не потому, что они нам нравились, а потому, что всю свою работу мы построили на одной общей предпосылке: бороться (если бы надо было бороться) с нашими противниками не тем, чтобы тыкать в них пальцем и подчеркивать, что они скверные и что есть у них нехорошего, а тем, что можем предложить мы хорошего. Мы боролись и боремся со своими противниками утверждением своей положительной программы. Мы поставили казачий вопрос и даем казачье решение этого вопроса. Наши противники все время указывают как мы „нехороши“, но ничего своего, ничего казачьего взамен не предлагают.

Так и с ген. Богаевским. Мельников жалуется, что самостийники нападают только на Донского Атамана, тогда как будто бы все Атаманы одинаково смотрят на В. К. Это неправда. Самостийники и на Донского Атамана не напа-

дали. Напал на В. К. первым ген. Богаевский и, ясно, что получил ответ. До сих пор мы Донскому Атаману только отвечали. Теперь этот спор не нравится ни ген. Богаевскому, ни г. Мельникову. Признаемся, что не нравится он и нам. Но, что делать? — не надо было начинать.

Статья г-на Мельникова не отличается большой стройностью. Много повторений, беспомощного топтания на месте... Чтобы читатели „В. К.“ и „Р. К.“ могли легче следить за нашим спором, просмотрим сначала статью Мельникова „по порядку“.

Уже в самом начале ее видим, какой г. Мельников большой ловкач. Утверждение его о том, что „самостийники... перенесли спор на чисто личную почву“... — неправильно. Самостийники затрагивали до сих пор „личный вопрос“ не больше, чем их противники, начавшие спор.

Чи ряды поредели — вопрос спорный. Мы, напр., имеем все основания считать, что ряды Мельникова редуют весьма ощутительно. Если бы Мельников сам верил, что самостийников „кучка“, — ему не нужно бы было так много писать о них.

Неправильно утверждение Мельникова и о том, что „казаки выборному Атаману верят“. Если и верят, то далеко не все. Да и вряд ли можно говорить теперь о выборности Атамана, раз он фактически обратился в атамана „пожизненного“.

Много уделяет места и „остроумия“ г. Мельников и „средствам иностранной державы“. — Демагогия! Слабость аргументации против самостийников и отсутствие своей программы заменяет Мельников дешевой демагогией. Мы достаточно много говорили уже по этому поводу, чтобы повторяться еще раз. Но... и по Мельникову: „грех“ не в том, чтобы получать или не получать „иностранную помощь“, а в том, — зачем и на что ее получать. Если бы мы искали средства у иностранцев на „спасение России“, на цели угодные Мельникову, тогда это ничего. Но, искать средства на спасение Казачества — это грех! Когда Мельников достаёт или хочет доставать (может ли — это другой вопрос) — это в порядке. Когда достаёт его противники — это скверно.

Мы признаемся даже в большем: мы хотели бы сделать все для того, чтобы Казачество смогло достать столько средств на выгодных для себя условиях, чтобы их хватило и для борьбы за освобождение и для восстановления разрушенной оккупантами экономической и культурной жизни там, на Родине... Думаем, что если бы эта задача удалась, Казачество одобрило бы нашу политику, а не политику г. Мельникова.

Не знаем, зачем говорит Мельников о какой то цензуре. Не хотим касаться здесь личности г. председателя Донского Пр-ва, но думаем, что человек в здравом уме и твердой памяти такой чуши не напишет. Когда возглавитель такой организации, как „Казачий Союз“, в борьбе со своими противниками прибегает к

приемам мелкого газетного репортера какогонибудь бульварного вечерника, то это свидетельствует только о несерьезности самого возглавителя и слабости защищаемого им дела. „Какая ужасная, отвратительная гримасса жизни!“, давшей казакам в такое трудное историческое время такого политического вождя.

Очень интересна „забота“ (не то „радость“) г. Мельникова о том, что „донцы в этом движении крупной роли не играют — по крайней мере постепенно ее утрачивают“..., а кубанцы „вытесняют донцов из руководящего центра“... — Прием совершенно понятный: внести рознь. Не будем говорить здесь о роли, какую кто играет в „руководящем центре“ — „история разберет“ потом этот вопрос лучше... Можем подчеркнуть только, что „Ответы“ писаны исключительно донцами. При этом можем весьма кстати спросить у господина председателя „Казачьего Союза“ (организации по характеру и имени своему „общеказачьей“) — какую роль играют кубанцы (не говорим уже о других) в „руководящем центре“ вашего „Казачьего Союза?“ — Так было и есть и у вашего „соседа“ здесь в Праге — у В. А. Харламова, а теперь В. Т. Васильева — в ОКСХС. Искренны ли Ваши, г. Мельников, „беспокойства“ в этом месте?

Интересная „логика“ у господина председателя Донского Пр-ва. В одном месте (вернее — во многих местах) он усиленно стремится взять под подозрение в. к. движение „связью“ с „иностранной помощью“, а в другом „объясняет“ „преобладающую“ роль черноморцев в самостийном движении „связью“ с украинцами („петлюровцами“). Это г. Мельников, мы слышали от всех „освагов“ еще на Кубани, еще тогда, когда от „петлюровцев“ мы были отделены Добровольческой „завесой“. Господам Мельниковым все еще никак не хочется допустить, что в казачьей голове может родиться казачье решение казачьего вопроса. В их неказачьей голове это не укладывается.

Достаточно много места уделяет г. Мельников и мысли о „будущей войне“ самостийников „против России“. Он категорически при этом утверждает, что „казачество за самостийниками против новой будущей России не пойдет“. — Мы, ведь, и сами не собираемся идти против не только новой, но и против всякой России: мы работаем не против России, а за Казачество. Мы боремся за освобождение Казачества и, если зовем его, то только для самозащиты. Мы не хотим, чтобы Россия к нам шла войной, все равно какая — старая, настоящая или новая. И только. Поэтому, с нашей точки зрения, участие Казачества в борьбе во Всероссийском масштабе (как того хочет Мельников) на стороне тех или иных претендентов на власть, — не только не нужно, но и весьма вредно для его действительных интересов.

Г. Мельников боится (в эту боязнь его мы не верим, — ему, как русскому, — все равно!), что борьба за освобождение приведет к уничтожению Казачества. Это — предсказание будущего (не всякое предсказание сбывается). А по-

смотрим на современную действительность. Сейчас Казачество действительно уничтожается. Уничтожается большевицкой Россией. За что? Именно за то, что оно мешалось или его вмешивали в политическую борьбу во Всероссийском масштабе. Россия не хочет казачьего вмешательства в свои дела. Рязанская, Тамбовская, Московская Россия гарантирует себя на будущее от вмешательства казаков в русские дела полным уничтожением Казачества (нынешний террор, ссылки и пр.). Здесь именно гибель Казачества.

Одна московская власть сейчас экспериментирует над Казачеством, а Мельников хочет, чтобы экспериментировала потом еще другая, третья и т. д. (кто знает, какая именно — первая, вторая или десятая Россия будет той новой, о которой мечтает Мельников, и чем она будет отличаться от России не новой?). Мы хотим вывести Казачество из под ударов всяких чужих экспериментов. И если уж без экспериментов обойтись нельзя будет, то пусть Казачество экспериментирует само над собою, — не так больно и дешево! От своих экспериментов не погибнет.

Мы понимаем г. Мельникова, когда он зовет казаков разобраться во всех этих вопросах „с холодной головой“. Голова холодная и у нас. Мы только думаем, что у Мельникова холодно и сердце.

Решительным аргументом в руках г. Мельникова против самостийности является неказачье население Казачьих Земель. Вопрос трудный. Уходить от него не желаем. Напротив ищем решения, удовлетворившего бы обе стороны — казаков и иногороднее население. Намерений своих не скрываем. Воевать с „большей чем на половину“ (по Мельникову, по нашему — во всяком случае меньшей) частью населения Казакии за каждую цену не собираемся. Думаем решить вопрос мирно.

Большее половины неказачьего населения Казакии — украинцы. Думаем, что помиримся с ними в первую очередь. Помиримся и со всеми теми другими иногородними, кто мириться с нами захочет. Инициативы борьбы и в этом вопросе мы на себя не возьмем. Труднее будет обстоит вопрос с теми, кто пришел к нам во время большевиков, или с той русской интеллигенцией, которая сильно заражена великодержавным русским духом и надеется и в будущей Казакии подправлять свои животинки в роли московского служилого сословия на „украинах“. Но... таких будет незначительное меньшинство, — это раз. А другое: теперь московская оккупационная власть уничтожает казаков дома или посылает на верное уничтожение в Соловки, в Нарым, Сибирь и др. места, весьма отдаленные. Мы считаем более справедливым, если некоторые к нам пришельцы из Орла, Владимира и Москвы (колонизаторы!) или „непокойные“ вернуться к себе... домой. В нашем понимании Казакия — страна, в которой каждый, кто будет по отношению к ней лоялен, будет хорошо жить. Но прежде ду-

маем позаботиться о своем населении. Это — естественно и законно.

Чувств г. Мельникова в адрес Украины касаться здесь не будем, т. к. по сравнению с покойным „освагом“ он ничего нового или оригинального не сказал.

Новое или старое „явление“ самостийничество среди донцов — спорить на эту тему с г. Мельниковым тоже не будем. Бесспорно во всяком случае то, что донцы — самостийники есть, что самостийничество среди донцов растет и ему — самостийничеству — принадлежит казачье будущее. Процесса роста самостийного в. к. движения среди Казачества уже никто не остановит. И не только Мельниковы, но и всякие другие представители русского прошлого — назад, в прошлое Казачества не затынут, какие бы истерики они ни поднимали.

Еще раз повторяем, что не имеем никакого намерения путаться в узко донской спор между собою. Особенно, что касается особы ген. Богаевского. Но, нам кажется, что избранный г. Мельниковым способ показать популярность среди казаков ген. Богаевского, как Атамана (количество и содержание приветствий в день 10-тилетнего его (невольного!) юбилея) — путь довольно скользкий. Г-н Мельников забыл, вероятно, что на похоронах и на юбилеях говорят только хорошее и приятное. *Aut bene, aut nihil.*

Много споров среди донцов было и есть до сего времени и по вопросу о донской Конституции. Вернее — о другом. Донская Конституция ясная и определенная. И как нельзя доказать, что день есть ночь (хотя бы и закрыли тучи солнце), так нельзя доказать, что донская Конституция может быть по разному толкована. Черным по белому, без всяких оговорок написано: Дон есть самостоятельное государство. Донцы спорят о другом. Спорят о том, что думали в сердце своем принимавшие и голосовавшие за безоговорочную донскую Конституцию. Ибо противники самостийников (и Мельников в том числе) „доказывают“, что В. Круг думал иначе, чем писал (чем принимал закон). Задним числом заподозривают искренность и добросовестность донского законодателя и опорачивают его наиважнейший акт — основные законы В. В. Д.

Напрасный спор: думали, вероятно, по разному. Но закон формулировали все одинаково. И сколько бы ни призывал сейчас Мельников живых и мертвых свидетелей против донской Конституции, — для донских казаков закон этот останется законом! Самостийники его принимают таким каков он есть.

Г-н Мельников забывает (или не хочет этого знать), какое тогда было время и как много зла принесла Казачеству обрусевшая казачья интеллигенция или русская интеллигенция, пристроившаяся к казакам (вроде и самого Мельникова). Конечно, думали разное. Конечно, говорили разное. Иначе и не могло быть. Ведь сотни лет русского владычества так скоро испариться не могли... Но, решает закон, а не толкования тех или иных лиц, хотя бы это был и сам Мельников.

Но, даже допустим, что г. Мельникову удалось бы доказать сейчас, что тогда „думали“ все за „впредь до“, — что бы из этого следовало? Ровно ничего, т. к. теперь есть донские казаки, которые отбрасывают это (существующее в воображении некоторых неудачных политиков прошлого) „впредь до“ и которые принимают свою Конституцию так, как она есть, без опорачивающих ее комментариев. Число таких казаков растет, число последователей „впредь до“ уменьшается. Для нас, самостийников, этого достаточно.

Следует ли в пылу полемики привлекать имя Каледина за или против самостийности? По нашему — не следует. Вообще, самостийники не заставляли служить себе это имя. И напрасно г. Мельников старается „обобщить“ некоторые толкования роли Каледина в устах одного из авторов „Ответов“. Мы вообще не согласны, что Каледин — „непререкаемый в Казачестве авторитет“. Может быть у донцов (да и то вопрос спорный); у других же казаков Каледин не был совсем авторитетом. Да его и знали мало.

Мы уже говорили однажды, что Каледин стоял на перепутьи между служением России и служением Казачеству. Он так и не смог решить этой дилеммы. В трудное для Казачества время он предпочел решить свою личную трагедию и решил ее неудачно. „Выстрел Каледина“ не имеет того „всеобщего“ значения, какое ему приписывается. На Кубани или на Тереке выстрела этого совсем не слышали... В этом отношении роль и поведение донского генерала, а в свое время походного Атамана П. Х. Попова, уведшего остатки донских партизан в степной поход, была куда для Казачества удачнее. Да и с точки зрения личного мужества, чтобы идти и вести тогда в степи бойцов с таким (наиболее сильным тогда) оружием, как вера в правоту своего дела, требовалось больше личного самообладания и политической прозорливости, чем для того, чтобы пустить себе пулю в сердце и тем решить только свой личный вопрос.

Мы уже говорили выше, что журнал „В. К.“ не нападает первый ни на кого из казаков. Точно также, совершенно определенно отношение наше и к анонимным авторам. И это отношение было и есть одинаковым как до 59 номера „В. К.“, так и после. Г-н Мельников грамотный человек. Он прекрасно видит, что брошюра „Ответы“ издана не редакцией „В. К.“, что на ней стоит штамп издательства „Объединения В. К.“ (что не одно и то же, что В. К.) и все же намеренно отождествляет „Ответы“ с В. К. Делает он это потому, что статья его по сути является не столько защитой Донского Атамана против авторов „Ответов“, сколько направлена вообще против самостийности. Свои подтасовки г. Мельников, конечно, прекрасно понимает. Не предполагает же он в самом деле, что читатели „Р. К.“ все так наивны, что этой ловкости его рук не заметят?

Г-н Мельников „опасается“, что в будущем „виновниками“ „скверного“ отношения к казакам

со стороны русских „могут стать именно самостийники“. Таких „скверных“ отношений в прошлом не отрицает и сам Мельников. „Оскорбительные и наглые слова, бросавшиеся иногда раньше по адресу казаков — „изменники“, „предатели“ — бывшие раньше абсолютной неверными и глубоко несправедливыми — ныне...“ (см. стр. 19 в номере 7 „Р. К.“). Так если виновниками за будущее явятся, по мнению Мельникова, самостийники, то позволим себе спросить здесь: кто же был таким виновником в прошлом, когда (по Мельникову) самостийников еще не было? За что же „угощали“ русские казаков „изменниками“ и „предателями“? Кому „изменяли“ и кого „предавали“ в прошлом казаки? — И потом: скверные отношения в будущем — это все такие предположения Мельникова, а скверные отношения в прошлом — факт. Очевидно, вопрос стоит несколько иначе, чем его хотят поставить противники самостийности.

Г-н Мельников ставит упрек самостийникам в том, что они „вносят раз'единение в казачью семью“. — „В. К.“ вышло в свет только в конце 1927 года. Спрашивается: почему же за предыдущие 7 лет эмиграции г. Мельников ничего не сделал для того, чтобы внести объединение в казачью семью? — Мы знаем почему. Казачью семью можно объединить только около казачьих интересов, около казачьей программы, а таковой у Мельникова как не было так и нет.

— Так на протяжении многих убористых страниц своего „Р. К.“ „доказывал“ г. Мельников, какие „нехорошие“ люди эти казаки самостийники. Ради чего он это делал? Отрицая казачью самостийность, воюя с В. К., что же он предложил взамен?

Посмотрим, какова программа самого Мельникова. Собственно, разыскать эту программу — задача не легкая, т. к. отсутствие ее (программы) г. Мельников заменяет общей фразеологией. Постараемся все же выбрать здесь то, что предлагает своего глава Донского Пр-ва и председателя „Казачьего Союза“.

„Лучше быть частью великого целого и работать во имя воссоздания Великой и Свободной России и Свободного сильного Казачества в ее составе...“

„Казачеству необходима Великая национальная Россия, как и России необходимо крепкое казачество, ибо и после ликвидации большевизма России суждено будет пережить невероятное трудное время, а в такие периоды особую ценность будут иметь государственно настроенные элементы, в первых рядах которых всегда стояло здоровое духом и навыками к самоуправлению и крепкое традициями казачество“.

„В новой будущей Свободной России казачество будет самоуправляющимся хозяином в своем собственном доме и верным сыном России...“

„Мы должны употребить все усилия, мы все должны работать и стремиться к тому, чтобы вывести Россию, — а с нею и Казачьи Края — из состояния большевицкого кошмара, общими усилиями должна быть создана Россия новая, свободная в которой свободно жило бы и казачеству...“

— Вот и все. Это и есть положительная программа Мельникова. Из-за этого он так рьяно и воюет с казачьими самостийниками.

Удовлетворяет ли и удовлетворит ли такая программа Казачество? — Мы говорим — нет!

Мы расходимся с Мельниковыми в основном: для него — сначала интересы России, а для нас — сначала интересы Казачества. Для блага „целого“, Мельников может пожертвовать интересами и даже судьбой „части“. Мы на это не идем. Зла России не желаем, но хотим добра прежде всего Казачеству. Мы не хотим быть частью никакого целого, мы хотим работать во имя воссоздания свободной Казакии. Ни в какой России не может быть свободного и сильного Казачества, — Россия, всякая Россия будет рассказывать и ликвидировать Казачество в своих собственных интересах.

Мы совершенно согласны с Мельниковым в том, что „и после ликвидации большевизма России суждено будет пережить невероятно трудное время...“ И потому страдания и испытания Казачества в составе России не кончатся с падением большевиков. Казачья сила нужна Мельниковым не только для борьбы с большевиками за „новую“ русскую власть, но и для восстановления разоренной русскими России. Мы думаем, что „платежи“ и расплата за „революционные опыты“ (а их будет еще много) будут не легче „стоимости“ самой революции.

Господа Мельниковы, Богаевские, Деникины... водили уже казаков „спасать“ Россию от большевиков. Они хотели бы попробовать это сделать еще раз (а где же русские?). Мало того, г-н Мельников хотел бы и после, потом поставить казаков в первые ряды восстановителей России. Не много-ли это на одни и те же плечи? Хватит ли на это казачьих сил?

И за все это — только самоуправление в пределах и по усмотрению „свыше“, а значит — постольку, поскольку это не противоречило бы интересам „целого“. По опыту прошлого мы знаем, что в России всякое „самоуправление“, а тем более национальное возрождение всегда противоречило „общегосударственным интересам“.

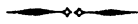
Г-н Мельников говорит о России С в о б о д н о й. В такой де России будет свободно и Ка-

зачество. — Гоже из опыта знаем, что это не так. Но, даже если бы кто поверил Мельникову, то — кто же поручится, что Россия будет действительно свободной? В прошлом свободной не была, не свободна и сейчас. Значит, более вероятно, что и в будущем Россия не будет свободна — по крайней мере среди самих русских больше сторонников России не свободной чем свободной. Мы позволим себе спросить на этом месте г-на Мельникова: а какова же будет судьба Казачества в России не свободной?

Недавно мы ставили уже единонеделимцам из казаков вопрос: какую Россию они любят? — Сейчас мы имеем ответ Мельникова: он любит Россию пока не существующую (и неизвестно, будет ли она такая существовать). Можем поставить теперь другой вопрос: какая Россия и как любит Казачество? Какая Россия, наконец, — любит вас — казачьих единонеделимцев? — Россия большевицкая, Россия Керенского или Милокова? Россия Деникина — Миллера? Россия Маркова II или Кирилла? — Какая же? И где она, любящая? Россию князющую, Россию разоряющую, Россию изгоняющую Казачество (Екатерина, Петр, большевики) мы видели. Россию, требующую за все это бесконечной „службы“, мы знаем... А где же та новая? и какая она, эта новая?

Итак, еще раз говорим: у Мельникова никакой программы решения казачьего вопроса нет. Мельников не дает своего решения казачьего вопроса, — он повторяет решение Миллер-Гукасовско-Милоковское. Вот почему ему не удалось и не удастся объединить Казачество в одну семью.

Повторяем: Казачество хочет иметь казачью программу решения казачьего вопроса. Такую программу дают самостийники — В. К. Казачья Семья соберется только около Казачьей Идеи и Казачьей Программы, самая короткая формулировка которой укладывается в одно слово — Казакия!

Шамба Балинов.

Запоздалый „сполох“ Н. М. Мельникова.

„Мал тот, кто имеет маленькую цель. Слаб тот, кто не верит в самого себя“.

С. Чех.

Трудно спорить с людьми, которые вообразили себя светилами, могущими изрекать только истину, неподлежащую никакому сомнению, которые, без всякого к тому основания, присвоили себе право „хранителей“ казачьей морали, выдают самих себя за верных „блюстителей“ казачьих интересов, казачьих прав. Совершенно напрасный труд доказывать этим людям что-либо, что не согласуется с их законсервированными понятиями и мышлениями. Одним из таких людей, судя по его статье в номерах 6 и 7 „Р. К.“, является председатель „Казачьего Союза“ г. Н. М. Мельников. В статьях этих он с бешеной злобой, с пеной у рта, истерически взывает к казакам: неизвестные нам люди осмелились не согласиться с нами, посмели свое мнение иметь, не спросились нас, помимо нас и без нас

думают спасти Казачество, не хотят нам подчиняться, признавать наш „авторитет“, нас не обожествляют, спасите и защитите нас, казаки, ваших пожизненных главарей и вождей, протестуйте против них, вольных казаков, морально их изолируйте, и т. д. и т. д.

Несмотря на всю бесполезность спора с подобными, „высокой марки“ господами, все же приходится высказать и говорить по поводу их выступлений, ибо они обращаются к казакам, у которых, в силу умышленных извращений г. Мельниковым мыслей и намерений вольных казаков, может создаться неправильное представление о казачьем Освободительном движении, в частности о его руководителях.

Нужно отметить, что сам Атаман Богаевский в своих повторных „выступлениях“ против В. К. договорился до смешного и теперь, за неимением других, более убедительных доводов, прибег к последнему средству — так сказать, в порядке Атаманского приказа „выкатил“ на позицию „тяжелую артиллерию“ в лице г. Мельникова. Но, вряд ли этот „выстрел“ принесет

тот результат, какой ожидают стрельцы. Действительно — гром грянул, а дождя нет.

По сестеви говоря, от Н. М. Мельникова можно было ожидать большего, по крайней мере его амплуа „выдающегося“ казачьего деятеля обязывало его держать себя выше улицы, в своих писаниях пользоваться более серьезными материалами и придерживаться более приличного тона. Но, он этого не выдержал. Не пощадив свой журнал (своя рука владыка!), он, заняв почти все страницы двух номеров, все свои усилия употребил: 1) на ругань, 2) на беззастенчивое передегивание чужих слов и бесцеремонное искажение их смысла, 3) на доказательство неважности Донской конституции и присяги, 4) на разведение самого дешевого сорта демагогии и 5) на призыв к казакам об „изоляция самостийников“.

В такой последовательности теперь и „перейдем к отдельным пунктам“, как говорит Мельников.

Пункт первый — о брани Мельникова: „несмотря на всю гадливость“, „человеческую низость“, „нравственные уроды“, „моральные выродки“, „как это гнусно“, „лжецы“, „клеветники“, „наглецы“ и т. д. и т. п. Вот пышный букет эпитетов, которыми так щедро награждает г. Мельников вольных казаков. И этот „букет“ появился после его же заявления в самом начале статьи, что личностей он не будет касаться, что он, Мельников, не опустится до уровня „моральных вырождков“...

Говорят — дурные примеры заразительны, — но в данном случае мы не последуем за Мельниковым и не будем придерживаться его тона. Надеюсь, за это читатели В. К. сетовать на меня не станут. Скажем только: „Юпитер, ты сердиться, значит ты не прав“.

Пункт второй — о передегивании чужих слов и искажении их смысла. Разобрать все искажения и передегивания Мельниковым чужих слов почти невозможно, ибо вся его многокилометровая статья состоит преимущественно из подобных искажений. Он, Мельников, самым недобросовестным образом, искусственно подменяет одно понятие другим и „со спокойной совестью“ начинает оперировать плодом своего измышления.

Я, например, в своей статье писал, что за свободу Казачества, за его самостоятельность будем бороться всеми силами, вплоть до физической. А г. Мельников, с ловкостью циркового акробата, на основании этих моих слов „доказывает“, что „воинственный на чужой счет Шамба Балинов“ зовет казаков к войне „против России (не против большевиков, а именно против России, против России вообще — и той, новой, которая будет после свержения большевиков)“. С упорством, достойным лучшего применения, пытается он выставить вольных казаков жаждущими не спасения Казачества, а исключительно войны против России, с русским народом. И эту свою выдумку, подкидываемую самостийникам, как их цель, г. Мельников на протяжении одной только страницы (стр. 15, № 6 „Р. К.“) повторяет много раз: „О будущей войне говорит и ген. Стариков... „самостийники зовут на борьбу не с коммунизмом, а с Россией, (со всей Россией — и с новой, если она и освободится от большевиков)... „Против новой, будущей России“... „Войной против России — не против большевиков, а против России“... „На борьбу с Россией, со всякой Россией“...

Уже одно это повторение и старательные объяснения в скобках сами свидетельствуют о лживости утверждения г. Мельникова, ибо для правды не нужно бывает подобного рода „искусства“ вдалбливания в головы своей мысли. Из писанного Мельниковым выходит, что вольные казаки ничего не говорят о казачьих интересах, а только и думают, что о войне с Россией. Ну, как можно вести спор с таким недобросовестным противником! В. К-во постоянно пишет и твердит: „наш идеал — самостоятельное, ни от кого независимое Казачество; наша ближайшая цель — борьба всеми силами с большевиками, которые задались целью уничтожить Казачество и, действительно беспощадно уничтожают его, хозяйственно разоряя, физически умерщвляя, специальными поездами увозя в Сибирь всех лучших и достойных сынов Казачества“. Повторяем, В. К. стремитесь к независимому существованию Казачества, свою

позицию оно будет защищать и отстаивать всеми способами и средствами; оно ставит своей первой задачей — освобождение Казачества от ига московского большевизма и призывает всех казаков идти вместе до Казачьего Учредительного собрания, где должна выявиться подлинная воля Казачества (см. „Ответы В. К.“ стр. 30). Этому Мельников не мог не прочитать, но это для него не выгодно. Вот почему он избрал систему передегивания: обходит полным молчанием ясные, определенные, не допускающие кривотолков положения В. К., а вместо этого выдергивает из разных мест отдельные слова, на основании коих, на свой вкус, составляет „программу“ В. К. и выставляет самостийников ненавистниками русского народа.

В той же брошюре (стр. 31) Мельников не мог не прочитать следующее: „настанут более благоприятные времена, когда Казачество будет говорить с Великобританией о мирном сожительстве рядом без этих великодержавных посредников и несомненно найдут общий язык и общее понимание для братского и мирного сожительства рядом. Вольные казаки ни к кому ненависти не питают. Они только защищают кровный интерес Казачества, его правду. Если за это разные великодержавники ненавидят их, то это дело их понимания и совести“.

Но что — для Мельникова такое ясное и определенное заявление самих самостийников; они для него невыгодны. Поэтому он смело производит хирургические операции над вещами вольных казаков, тщетно пытаясь выставить их „злейшими преступниками“ перед Казачеством. Но В. К. спокойно, ибо оно понимает, что казаки выросли до понимания и сознания ценности разных „махинаций“, „операций“ и они поймут — где правда, где ложь.

В моей статье нет ни одного голословного утверждения, ни одного положения без подкрепления выдержками из казачьих и русских источников. Делал это я сознательно, ибо знал, что некоторые бывшие казачьи вожди питают слабость по части передегиваний. Но это сильно не понравилось Мельникову, т. к. все эти указания не говорят в пользу позиций Мельникова. Вот почему он ничего лучшего не нашел, как ограничиться зубоскальством („вот мол, мы какие „ученые“), не говоря ни слова по существу.

Конечно, гораздо легче написать „на Дону среди прежних деятелей Балинова не знали“, тем самым как бы отказывая ему (Балинову) в праве говорить и писать по казачьим вопросам, чем честно говорить по существу такого большого и большого вопроса казачьего освобождения. Но я должен еще больше разочаровать г. Мельникова: я никогда и не был студентом, за кого меня он выдает; болезнью самодовольно щеголять цитатами не страдаю, ученым быть не собираюсь. Но, вместе с тем, я считаю, что я не лишен наблюдательности над жизнью, права интересоваться судьбою Казачества, читать литературу и ею пользоваться, обязан задумываться над причиной страшной трагедии Казачества и по силам искать путей его спасения. Ведь может же каждый казак делать все это, не донося об этом Мельникову?..

Именно потому, что я неизвестен казачьим „аристократам“ и дипломом ученого не обладаю, я воздерживаюсь говорить лично от себя, предпочитая свои взгляды подкреплять авторитетами. Мельников не жалеет краски, чтобы очернить меня; находясь в состоянии политической лихорадки, называет меня большевиком. Для подобного утверждения нужна была действительно Мельниковская свобода действий над чужими мыслями. В моей статье (в ответах) есть утверждение, что большинство русской эмиграции руководствуется „реставрационно-реституционными поползновениями“. Но Мельников слово „большинство“ в моей статье свободно заменяет словом „вся“ и на основании этой характеристики называет меня большевиком. Могу только сказать, что он попал не по адресу. Слова, характеризующие стремление большинства русской эмиграции как „реставрационно-реституционные поползновения“, в моей статье (в ответах) стоят в кавычках. А Мельников, как истинно русский интеллигентный человек, должен знать правила русской грамматики, что в кавычки

берутся чужие слова. В данном случае Мельников, называя меня на основании этих слов большевиком, попал в лицо близкого ему человека, пр. П. Н. Милюкова, ибо слова эти взяты из передовой статьи „Последних Новостей“.

Мельников пишет: „Ш. Балинов очень боится за судьбу близкой его сердцу иностранной державы, опасаясь, как бы Атаман не употребил против нее казачью силу“. Ну, к чему это, мягко выражаясь, глупая выходка? Заявляю — никогда, нигде я не высказывал опасений за судьбу какой либо державы. Не мог этого высказать просто потому, что у меня нет ни одной „иностранной державы“, близкой моему сердцу. У меня есть действительно единственное близкое — Казачество, за судьбу коего боюсь, о подлинных интересах и правах коего пытаюсь говорить, как понимаю. Только об этом я пишу и говорю, а не о судьбе иностранных держав! Да и нет такой державы, которая нуждалась бы в моих указаниях.

И в полемике следует соблюдать приличие. Нельзя свои грязные догадки вкладывать в уста своих противников. Честному человеку всегда бывает стыдно, он всегда краснеет, когда говорит неправду. Калмыцкая пословица о лжецах гласит: „на лицо полсть наленил“, чтобы скрыть красноту. Мне кажется и Мельников чем то подобным прикрывался, когда писал свою статью.

Моральное оправдание в своем поведении самостийники черпают в Донской конституции, гласящей: „В. В. Д. есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“, и считают своей непрременной нравственной обязанностью „быть верным и неизменно преданным В. В. Д., своему отечеству, и долг службы „выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не шадя жизни ради блага Отечества“, как говорит Донская присяга.

А вот Мельников авторитетно утверждает, что „их (самостийников) попытка опереться на Донскую конституцию не выдерживает критики“, а эту самую страшную Мельниковскую „критику“ выдерживает не сама Донская конституция, а сам Мельников, действующий „в соответствии с духом Донской конституции“. Одним словом, по мнению Мельникова, для казаков важны и обязательны не конституция, не присяга, а его Мельникова (занимавшего тогда „высокий пост Председателя Донского Войскового Круга“) заявления и его беседы „в особом вагоне“. Он теперь уверяет, что все законы ВВД, Донская присяга и т. д. были временны, „впредь до“, а бесконечны и вечны только его „понимания“ духа Донской конституции. И он пускается на многих страницах своего журнала доказывать эту свою „теорию“. Но, какое жалкое зрелище представляют из себя его доказательства! На его месте я отказался бы от таких доказательств. Что может быть жалче, морально ниже человека, который публично заявляет, что он сознательно обманывал людей и Бога? Донскую конституцию мы писали, принимали, в защиту ее мы посылали казаков на смерть, но в душе мы думали, что это временно, „впредь до“, так сказать, — Господи разреши тебя провести! Можно ли после этого заявления Мельникова верить его политической „ориентации“, если она случайно не совпадает с его личным интересом? Казаки, по крайней мере в Париже, на это уже определенно ответили.

Что Казачество русскими большевиками хозяйственно разорено, физически уничтожается — признает даже сам Мельников. Но, он не желает избавления Казачества от этого несчастья ценою отделения „от Великой национальной России“, которая когда-то, по уверению Мельникова, должна быть. А Атаман Богаевский примерно даже определяет срок прихода этой „Великой России“, когда взывает к казакам: „теперь казаки — если не мы, то наши дети увидят Великую Россию“. Другими словами — умрите казаки и эмигрантском рассеянии, пусть в родных Краях большевики уничтожат ваших братьев, но зато на ваших костях и на вашей крови построится „Великая Россия“, должностящая доставить нашим детям величайшую радость! Согласятся ли казаки, по совету Богаевского, спокойно умереть в эмиграции, забудутся ли радостно

их сердца от уверения Богаевского, что после их смерти возродится „Великая Россия“.

Мельниковы говорят, что „Каз-ву необходима Великая национальная Россия“, причем эту национальную Россию видят в ничтожной части русского народа и, связав судьбу Казачества с этой именно частью („классом“ — по признанию самого Денижина), желают повести казаков против огромного большинства народа — русских крестьян и рабочих. Для них Казачество слишком ничтожная вещь — оно по утверждению Мельникова, будет малым и слабым и — „вечно дрожать...“ Они, Мельниковы, большие люди (а большому кораблю и большое плавание!). Для них нет лучшего занятия, как умаление, унижение и уменьшение сил и значения Казачества. Они постоянно твердят, что при самостоятельном существовании Каз-во сейчас же разорится на содержание одних своих консулов. Но зачем доходить до такого самоунижения? Я не буду касаться здесь богатств, какими обладает Казачество, а приведу лишь один пример, наглядно иллюстрирующий предел унижения Казачества г. г. Мельниковыми. Каждое более или менее значительное финансовое, торговое предприятие имеет своих представителей во всех почти государствах; мало того, во всех почти крупных городах. Эти представители — те же самые консула. Так неужели Казачество, обладающее многомиллионным населением, огромной территорией с неисчерпаемыми естественными богатствами, неужели это Казачество слабее и ничтожнее какого-либо торгового предприятия? Нет! Так ответит каждый казак, свободный от законсервированных понятий, не утративший чувства собственного достоинства.

В конце концов г. Мельников переходит к прямой угрозе: „Мне думается, что если нам суждено вернуться на родину (как видите Мельников сомневается — вернется ли он на родину. Вероятно поэтому он достаточно „обес ечил“ свою жизнь в Париже? Ш. Б.) — дело атаманским окриком не ограничится: казачество*) потребует к более суровому ответу тех, кто легкомысленно позволял себе на чужбине играть казачьими головами и осложнять и без того тяжелое положение казачества на родине и на чужбине“, ибо „вред, причиняемый и отчасти уже причиненный самостийниками, многообразен...“ подкидывает чью-то о действительную вину самостийникам г. Мельников.

Действительно, нужна была Мельниковская бычачья шкура, чтобы не почувствовать всю бессмысленность его утверждения. К чему эти страшные слова „игра казачьими головами“ в применении к самостийникам?

Ведь даже Мельников должен понимать, что по вине самостийников ни одна казачья копейка не пропала, ни один волос с казачьей головы не упал, ни одна капля казачьей крови не пролита! Посмеет ли Мельников сказать то же самое о себе? Огромная Донская казна растрачена, много-много тысяч казачьих жизней погублено. Неужели сделали это самостийники?

Нельзя так беззастенчиво сваливать вину с большой головы на здоровую.

Что касается средств, то здесь действительно, нельзя мерять на свой аршин, как пишет Мельников. Если г. г. Мельниковы еще в Константинополе, при наличии Донской казны, выставив на Европейский „базар“ естественные богатства на „Юго-Востоке России“, искали восстановления его многомиллионного кредита, то это совсем не означает, что и самостийники хотят заложить казачьи естественные богатства.

... „Этой работы (борьбы с большевизмом) самостийники не ведут. Не вели работу и тогда, не ведут и теперь, это мы знаем“ — безапелляционно заявляет г. Мельников. А „Атаман такую работу вел и ведет, связь с родными краями у него существовала и существует“, но об этой работе „ни Атаман, ни его сотрудники никаких доказательств, ни даже утверждать в печати не могут“ — пишет он. Но, зачем такая различная мера к своей и чужой работе? Атаман с Мельни-

*) Интересная деталь: Мельников Казачество всюду пишет с маленькой буквы, а его (Казачества) слугу всюду пишет с большой буквы.

ковым ведут работу, но об этом в печати говорить нельзя, нельзя и доказывать в интересах самого дела. Это понятно. Но вот совершенно непонятно, почему самостийники о своей работе „там“ должны почтительно докладывать г. Мельникову? Он совершенно правильно говорит, что работа „там“ принадлежит к такой области работы, отрицать или утверждать, существование которой невозможно. Но тут же он утверждает, что самостийники „там“ не работают, „это мы знаем“. С таким же успехом и самостийники могут сказать, что Мельников „там“ работы не ведет: „это мы знаем“. Что же получается? Взаимное препирательство! Могут ли серьезные люди вести полемику в такой плоскости? А вот Мельников стал на такой путь. Правда, он, Мельников, неудачной цитатой из моей статьи, по своему обыкновенно извратив их смысл, пытается доказать, что о большой работе Атамана „там“ знают и сами самостийники, но, по своей, мол, недобросовестности не хотят об этом говорить, а лишь в пылу полемики проговариваются... „на стр. 18 „ответов“ Балинов проговорился о сношениях Атамана с Доном, о существующих связях, о том, что оттуда пишут А. П. Богаевскому, как нашему Атаману“...

Прямо становится противным такое бесцеремонное извращение смысла чужих слов. До бесконечности трудно иметь дело с такими людьми. Я ведь писал это не в доказательство того, что Атаман связан с казаками „там“, а как раз наоборот. Приведу это место своей статьи, чтобы читатели могли увидеть, какую „операцию“ г. Мельников производит с чужими словами. Вот это место:

„А Казачество с надеждой и болью спрашивает: „когда и на какую помощь мы можем рассчитывать? Обращаясь к вам, как к нашему Атаману, мы просим вас... сохранилась ли Казачья сила за границей и что делается для того, чтобы ускорить час соединения с нами на Дону?“ ...Там казаки думают только одну думу: „вся политика казачья сводится к одному: какие же силы и когда свалят эту проклятую власть?“ (Это — письма „оттуда“, напечатанные в „ВКС“ в №№ 10, 14—15, 16—17).

На это я, своими словами, являющимися моим личным выводом из всего поведения Атамана Богаевского (а не словами Богаевского, якобы мною „ложно вложенными в уста Атамана, как пытается он выставить меня лжецом („Р. К.“ № 7) писал: „Правда, на этот вопль истерзанного казачьего сердца, на этот крик измученной казачьей души, Донской Атаман А. Богаевский с олимпийским спокойствием отвечает: „Говорить о Доне вне связи с Россией — преступление и предательство. Нужно сначала освободить Москву, а потом ей подчинить Казачество. Если сначала освободить Казачество, то оно не присоединится потом к Москве и не создается „Единая-Неделимая“.

Говорил ли я здесь о работе Богаевского „там“? Пусть сами читатели ответят на это. Совершенно верно, наши братья „там“ обращаются к Богаевскому как „к нашему Атаману“, но какая страшная трагедия кроется в этом недоразумении!?

Для наших братьев „там“ Богаевский является главою независимого Донского государства, борющимся в главе избравшего его народа за независимость Казачества против Московского большевизма и, после поражения на поле брани, ушедшим во главе своей Донской армии, со своим правительством, Донским парламентом, Донской казной, гражданским населением. Для них Богаевский все еще является — тем вождем Донского Казачества, который, в силу данной им присяги, обязан высоко держать знамя Донского государства, организовывать в эмиграции казачьи силы, приложить все усилия для борьбы и свержения советской власти и восстановления на Дону того, что было в 1918—20 г.г.

В этом заключается страшная трагедия Донского Казачества: „там“ казаки надеются на своего независимого вождя, а последний готов привести Донское Казачество под ножи всех „вождей“, привести на службу кому угодно, но только не самому Казачеству! Что заговорили бы казаки „там“, если бы узнали о такой работе Богаевского?

„Ответы“ самостийников не понравились Мельникову и он теперь истерически зывает к казакам защитить его, разыгрывая из себя смиренную невинность, предлагает казакам морально изолировать самостийников.

Но как смешит это „возвание“ Мельникова казакам в Париже! И не смешным быть не могло: уже действительно морально изолированный казаками в Париже, Мельников обращается к тем же казакам о моральной изоляции самостийников, пользующихся в широких кругах Казачества большим сочувствием. Доказательство? — На большое публичное собрание казаков в Париже, созванное путем объявления в парижских газетах, г. Мельников не посмел явиться. А на самом собрании, все казаки, во всем остальном различных взглядов, дружно сошлись на единственном пункте: на полном отрицании Богаевского и Мельникова. Не нашлось ни одного человека, который заступился бы за Богаевского и Мельникова! Это, по моему, является неопровержимым доказательством, что Мельников и Богаевский, по крайней мере в Париже, совершенно физически и морально изолированы казаками.

На возвание Мельникова Парижские казаки уже ответили, только у него не нашлось достаточного мужества придти и выслушать этот ответ. Что же касается его обращения специально к калмыцким организациям, чтобы они отмежевались „ясно и определенно“ от меня, „новоявленного калмыцкого Голубова**“ то могу сказать Мельникову, что напрасно он, без особой к тому нужды, собирается сесть в лужу. Если ему нравится такое сидение, то это дело его.

Да, я знал и знаю, что мое выступление (вынужденное) с критикой „дел и действий“ Богаевского является „первым в истории взаимоотношений донских калмыков с донским Казачеством“, что особенно неприятно для г.г. Мельниковых. Но я также знаю, что для них калмыки являются „прекрасными калмычками“ ровно до тех пор, пока они им беспрекословно подчиняются, и безусловно их слушаются, всеми силами их подпирают, все слова их принимают, как некое откровение. Но, как только, эти самые „калмычки“ начинают свое суждение иметь, то к ним сразу же прилагают эпитет: „особо наглые“.

Не довольно ли, г. Мельников, этой „игры“?

... „Самостийники перешли границу морально допустимого и терпимого“ пишет Мельников. Спрашивается, чем? Да тем, что они клеветают о „беспечальной“ жизни в Париже Атамана, о растрате Донской казны, „злостно преувеличиваются и „запасы товаров“ в Константинополе“.

Но, клевета ли это? Ведь клеветой обычно называют, когда ложно приписываются людям проступки или действия, ими не совершенные. А глгали ли самостийники, когда писали о Донских средствах? Нет. Это подтверждает и сам Мельников. На стр. 15 „Р. К.“ № 7, сам Мельников пишет: „средства, конечно, были, но не в таком размере“... и дальше идет перечисление и по этому его перечислению получается все же много миллионов франков.

Самостийники писали, что этих средств не стало, что опять таки Мельников подтверждает, но только сердится на самостийников и называет их клеветниками. Где же клевета? Дальше он пишет еще более удивительные вещи: ... „израсходовано только то, что можно было израсходовать, что, в сущности, не составляло коренной собственности Войска; то, что должно быть во что бы то ни стало сохранено для Войска, то цело и неприкосновенно и в таком виде должно вернуться на Дон.“ (Р. К. № 7, стр. 16).

*) По этому вопросу постараюсь притянуть Мельникова к иному ответу, ибо сравнение меня с Голубовым, с большевиком, с человеком, с оружием в руках разогнавшим Донской парламент, расстрелявшим достойного Донского Атамана, Председателя Круга и т. д., т. е. сравнение меня с злейшим государственным преступником я считаю высшим и ни на чем необоснованным оскорблением моей чести.

Итак, по уверению самого Мельникова „коренная собственность“ Донского Казачества ни в коем случае не может расходоваться и „должна вернуться на Дон“. Спрашивается, те много миллионов, израсходованные Мельниковым, им же в своем журнале перечисленные, значит, не составляли „коренную собственность“ Войска? Так чьи же эти были деньги? Очевидно Мельникова и Богаевского! Допустим это и согласимся с ним. Но вот другой вопрос: „Коренную собственность Войска“ расходовать нельзя. Надо думать, что даже Мельников согласится, что атаманская булава, представляющая из себя большую материальную ценность, не говоря уже об исторической (13 с полов. фунтов червон. золота), относится к категории „коренной собственности Войска“. Так вот, почему эта булава, при сдаче материалов Донского музея в Чешский национальный музей на хранение, сдавалась под частную расписку, тогда как все остальные материалы сдавались под официальную расписку? Почему и для чего эта булава затем была изъята из такого надежного хранилища, как Чешский национальный музей, кем она изъята и где она хранится? Вопрос чрезвычайно интересный. Уж не при-

числена ли она к категории не коренной собственности Войска?

Мельников уверяет, что „те лица (в числе которых он, очевидно, сам занимает первое место), которым Атаман доверил охрану достояния, с честью выполнили возложенное на них поручение“.

Так ли это? Может ли он с такой уверенностью сказать то же в отношении тех лиц, на которых была возложена обязанность хранить архив „Объединенного Совета ДКТ“. Не продан ли этот архив каким-то американцам за 2000 долларов? Сделать это было тем легче, что этот архив уже действительно не составлял „коренной собственности“ Донского Войска.

А ведь таких вопросов ставить можно много. Приличествует ли г. Мельникову принимать гордую позу хранителя чести Дона, оберегателя „коренной собственности Войска“? Вообще пристало ли такому человеку обвинять во всех смертных грехах тех кто интересы казаков не принесли и не принесут в жертву никому? Казаки, конечно, сами поймут — где правда, а где „искусство“.

П. И. Коцунько.

Наше прошлое.

(Очерки).

Нельзя сказать, чтобы русская политика по отношению к казакам была особенно дальновидной. Усвоив взгляд на Казачество, как на „военное сословие“, видимо ценя в нем боевые качества, правительство в своих мероприятиях как бы употребляло все старания, чтобы возможно больше понизить эти качества. Это указывает на то, что на Петербургском верху не было установлено твердого взгляда на Казачество ни с социальной, ни с военной точки зрения. В первом случае на Казачество смотрели, как на какой-то нарост в государстве, как на государство в государстве. Опасаясь, что нарост этот, при случае, может обратиться в „злокачественный“, старались его „обезвредить“, уничтожая те льготы и „привилегии“, по их мнению, которыми пользовалось Казачество (между тем, как они-то и были главным основанием ценных качеств).

Во втором случае мнения очень дробились: хотя и редко, но находились поклонники Казачества (не ставя их, однако, на одну ногу с регулярной армией). Но были и такие, которые находили, что Казачество уже отжило свой век. Между этими двумя крайними мнениями находились те, которые допускали существование Казачества только потому, что это — дешевый род войска. Но все сходилось в том, что казаки только второй сорт войска по сравнению с армией.

Но, как только чуть сгущались тучки на политическом горизонте и запахнет, бывало, порохом, так в один голос начинались похвальные гимны Казачеству. Так было в 1887 году, когда возникла шероховатость в отношениях с немцами. Слышалась бахвальба, что как только начнется война, моментально всю восточную часть Германии наводнят казаки и спугают все расчеты немцев в их мобилизации и сосредоточении армии. Этим разнообразием взглядов на казаков обуславливается и непостоянство различных реформ среди них, которые замечались в последнее царское время. Смотря по тому, какой взгляд восторгается бывало на верху, в том направлении и проводятся изменения как в службе, так и в жизни Казачества. Но, как бы ни были изменены эти взгляды, равнодействующая их была все таки в одном направлении — к ограничению и лишению тех прерогатив „привилегий“, которыми пользовались казаки, т. е. как раз, того, что обуславливало качества их особенно ценные в военном отношении. Это была жертва чему-то другому, более существенному в их глазах, жертва ради уничтожения того, что в указе Екатерины II названо „неистовым правительством“. Казаки — хранители свободы и равенства. живой пример народоправства, пример того, как можно хорошо прожить без всякого гнета сверху. Это конечно, не могло

найти сочувствия в „истовом правительстве“, смотревшем на народ, как на живой хозяйственный инвентарь, которым можно распорядиться, не считаясь ни с родством, ни с свойством.

Расправившись с Украинским казачеством, которое оказалось „у тюрязі, в кайданах від часів Богдана і тепер по над Дніпром ходе, викликає долю“, русское правительство наложило руку и на Дон, систематически и неуклонно урезывая все его вольности и привилегии.

Одна только Запорожская Сечь осталась почти в неприкосновенном виде, „как бельмо на глазу“, но пока она соприкасалась со своим исконным врагом, Турцией, врагом общим и для России, Сечь была нужна. Пока не заняты были берега Черного моря, на попытке приобретения которых еще при правительнице Софии сломал себе зуб Васенька Голицын и спотыкнулся даже Петр I, запорожцев трогать было небезопасно. В конце концов настал и их черед. Расчет был верен. Не одной тысячей убитых в войну с Турцией (1768—1774) заплатили запорожцы за честь оказать помощь русским войскам. Похвалы и награды сыпались на Запорожцев за их подвиги в этой войне. Запорожцы вошли в моду и много именитых особ пожелало приписаться к ним. Сам великолепный кн. Тавриды зачислился в Куцувский куринь под именем Грицька Нечосы, обещая свое покровительство Запорожской Сечи. Но, „высшая награда“ была получена после войны. Едва смолкли орудия и Сечь перешла на мирное положение, как она была окружена (1775) отрядом генерала Текели, имевшим около 70.000 человек и к нему подошел еще Прозоровский с 20.000. Все это против 8000 Запорожцев, находившихся в Сечи!

Должно быть страшным казался этот „зверь“, что по расчету потребовалось больше 10 человек на одного, чтобы повалить его!

Сечь была разгромлена и разрушена. Кошевой Атаман Кальнишевский, судья Головатый и писарь Глоба закованы в кандалы и: первый сослан в Соловецкий монастырь, а остальные в ближайшие. Головатый и Глоба вскоре были освобождены, а Кальнишевский томился в изгнании 25 лет, где и умер, отказавшись воспользоваться милостию помилования Александром I.

Запорожцы, находившиеся в Сечи ухитрились уйти в Турцию, захватив с собою часть войсковых регалий. Но, ушло только 5 тысяч, а остальные рассеялись между населением.

Испробовав жизнь под властью „истового правительства“, рассеявшиеся запорожцы впоследствии большими партиями и в одиночку убежали за Дунай. В конце концов собралось их там около 30 тысяч.

Думал ли этот простодушный народ, что проливая свою кровь и жертвуя жизнью за успех русского оружия, он роет сам себе могилу? Это была вторая смертельная рана, нанесанная русским правительством (после Богдана Хмельницкого) Украинскому Казачеству.

Трудно сказать, что послужило причиной такой поспешной расправы с Запорожской Сечью: действительно ли „государственные требования и интересы“, или жадность и непомерные аппетиты на „степ широкий і край веселій“ придержащих властей и сильных мира сего? Склонен думать, что преобладающей причиной была последняя, так как не могло же благоразумное правительство думать, что Турция помирится легко с потерей Крыма и не сделает попытки к его возвращению. Что правительство опасалось такого оборота дела, указывает то обстоятельство, что по заключению мира с Турцией, войска были оставлены на границе с нею.

Такая неуверенность в прочности положения, сознавалась и Запорожцами. Сознание это выражалось в поэтической форме:

„Зруйнували Запоріжя — буде колись треба“
потому что на политическом горизонте:

„Наступає чорна хмара“.

И это „колись треба“ наступит очень скоро, так как уже „іде дощик з неба“:

Между тем, положение России было не из блестящих. Обессиленная предыдущими, почти непрерывными войнами, она не могла особенно надеяться на нужный для нее контингент пополнения, а осложнения на Западной границе, связанные с Польским вопросом, не позволяли усилить свою южную армию частями, собранными в районе, ближайшем к Польше.

Этим воспользовался бывший войсковой судья Головатый, предложив князю Потемкину собрать оставшихся в России Запорожцев, вероятно, надеясь восстановить прежнее Запорожское Войско. Но, Потемкин на это не согласился, предложив в свою очередь организовать из них особые пикетные полки в составе армии.

На сделанный в таком роде вызов никто из запорожцев не явился или явилось очень мало, так как вскоре после этого поручено было тому же Головатому и Чепиге вызвать запорожцев и составить из них особое казачье войско, под другим наименованием. На этот второй призыв, несмотря на все чинимые препятствия местной администрации, старавшихся удержатъ бывших запорожцев на местах в крепостной зависимости, откликнулось несколько тысяч, которые вместе с оставшимися по разорению Сечи в армии, так называемыми верными запорожцами, собрали казачье войско, которое при поселении их за Бугом было названо Черноморским. К нему впоследствии присоединилось много и из вышедших в Турцию.

Первый избранный атаман этого войска, Сидор Билый был смертельно ранен под Очаковым и умер. Его заменил Чепига. Оба эти атамана были избраны казаками, не Войсковой Радой, которая для этого не собиралась, а казаками по партиям разбросанными в армии. Но оба они были утверждены Потемкиным, как Гетьманом казачьих войска.

Ввиду того, что текст этого утверждения мне не приходилось встречать в печати, считаю не бесполезным поместить копию утверждения Чепиги, переданную мне на хранение генерал-лейтенантом Ал. Як. Кухаренко и находящуюся у меня в настоящее время. Вверху акта находится герб Российской империи, далее идет текст:

„Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской Всемилостивейшей Государыни моей генерал-фельдмаршал Главнокомандующий армиями Российскими, действующими на юге, флотами на Черном, Азовском, Каспийском и Средиземном морях и всей легкой конницею регулярно и нерегулярно, сенатор, Государственной военной коллегии президент, Екатеринославский, Таврический и Харьковский генерал-губернатор, Ея Величества генерал-адъютант, войска Генерал-Инспектор, Действительный камергер, лейб-гвардии Преображенскаго полку подполковник, корпуса кавалергардов, полку Кирасирскаго своего имени, Санкт-Петербургскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго шеф, мастерской оружейной палаты верхов-

ный начальник, и орденов Российских: Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Святаго Александра Невскаго, Военнаго Святаго Великомученика и победоносца Георгія, Святаго равноапостоленнаго князя Владимира первых степеней, Королевских Польских Белого Орла и Святаго Станислава, Прусскаго Чернаго орла, Датскаго Слона, Шведскаго Серафимов и Великокняжескаго Гольштинскаго св. Анны, кавалер, граф Григорій Потемкин-Таврический, священный Римския Империи князь, Великий Гетман Императорских Казацких войск Екатеринославских и Черноморских“.

„Императорскаго казацкаго войска Черноморскаго Кошевого Атаману господину Бригадиру и Кавалеру Чепеге

Вступив в отправление Всемилостивейше возложенного на меня звания Великаго Гетмана Императорских казацких войска, поставляю я по сей Высочайше вверенной мне власти за первый долг признать и утвердить учрежденное в верном войска Черноморском начальство, что сим исполняя утверждаю вас в настоящем вашем достоинстве Атамана войска Черноморскаго и в знак того да служит сабля от меня вам вручаемая“.

Подлинная подпись Потемкина.

Герб Потемкина (Гетманский).

Дата: Апреля 17 дня

1790 г.

Ясы.

Так начало свое существование новое казачье Войско. Благодаря стараниям Головатого, Чепиги, Сидора Билого и др., все совершилось, как будто, благополучно: Запорожское Казачество, хотя и под другим именем, было восстановлено. Первые шаги его на поле чести были блистательны. Не стану говорить о них, достаточно напомнить Березань, Очаков, штурм Измаила, чтобы понять симпатии Суворова, которые он всегда питал к Черноморцам (ему было поручено вручить Атаманскую булаву первому избраннику — Кошевому Сидору Билому). Суворов был как бы восприимчивым вновь народившемуся Черноморскому Войску и никогда не изменял своих симпатий к нему, помогая по мере сил и возможностей всем нуждам, которые предъявляли казаки именно через него.

По виду все обошлось, как будто, благополучно. Так же, как и прежде, Запорожцы добросовестно несут свою службу, как и прежде льют свою кровь и жертвуют жизнью. Как и прежде

„Бють пороги, місяць сходить,

Як і перше сходяв...“

Только

Нема Січі, пропав и той,

Хто всім верховодив...“

О Войсковой Раде даже и думать не приходилось, это было то „неистовое правительство“, которое послужило причиной уничтожения Сечи. Даже для избрания В. Кошевого Атамана Рада не собиралась и Чепига, например, был избран казаками, находящимися под его начальством, а затем и теми которыми командовал Головатый. Власть Атамана была ограничена и принижена подчинением его назначенному Великому Гетману.

Но, самое главное „неудобство“ заключалось в том, что вновь сформированное Войско не имело места „іде же преклонити главу свою“, — оно не имело своей территории. Земли, принадлежавшие Запорожской Сечи, по разорению ее, были сей час же расхвачены всеми, кому нужно и кому не нужно, а Запорожцы, жившие в зимовниках по паланкам, обращены в крепостных. Поэтому стоило много трудов и хлопот вырывать их для прописки в новое Черноморское Войско. Казаков то выручили, хотя и не всех, всеми правдами и неправдами, а семья их остались, так как поселить их было негде.

„Степ широкий, край веселій

Де паслися наші коні,

Де тирса шуміла,

Де кров ляха, татарина

Морем червонила“

оказался в чужих руках, частной собственностью, а с ним вместе и те из казаков, которых не удалось вырывать, остались в качестве „живого инвентаря“ и по сей час

„По над Дніпром ходять
Викликають долю...“

Наконец, по настоятельной просьбе и после долгих хлопот, Потемкин „указал“ землю для Черноморского Войска между Бугом и Днестром, с пребыванием войскового Управления в местечке Слободзея.

Как недавно, при сборе запорожцев, для местной администрации было доходное время, когда она наполняла свои карманы с двух сторон: от помещиков за причисленных казаков в крепостные, и от казаков за признание их таковыми, так и теперь за освобождение семьи — приходилось, во избежание хлопот и проволочек, прямо покупать жен и детей. Это было „золотое время“ в буквальном смысле слова для всех этих капитан-исправников, комендантов и прочей братии, принадлежащей к „истовому правительству“.*)

И долго еще потом приходилось, Черноморцам выдерживать своих соратников. Не прекратилось это выдерживание и после переселения их на Кубань. Переселение это вызвано было невозможностью устроиться на указанной Потемкиным территории, во-первых потому, что указание это им было сделано лично своею властью без царской санкции, а во-вторых — земля эта уже была занята поселениями ранее, и много участков попало в частные руки на таком же основании и на таких правах, как и остальные Запорожские земли. Постоянные препирательства и столкновения с частными владельцами из за разных участков и угодий не давали возможности заняться хозяйством новым поселенцам,

*) Из воспоминаний полковника П. Т. Галушко, сведения о котором помещены полк. К. Черным в сборнике Куб. Обл.

Н. Нечуй-Левицкий.

Пушкин — народный комиссар.

Я коммунистов не люблю, как и каждый из нас, пострадавших от этой вредной породы людей. Однако, судьба не спрашивает, кто нам не люб, или мил. Рабочие там, где я в данный момент работаю, сплошь коммунисты весьма „липовые“ и о сущности коммунизма, его задачах и целях имеют самое смутное представление. Они — собственники душой и телом, как только может быть привязан к собственности насквозь пропитанный материализмом европейский человек. Я уверен, что в российских условиях они вмиг были бы „вычищены“ из партии „за мелкобуржуазную психологию“. Каждый из этих пролетариев имеет кой какие сбережения, многие живут в собственном доме, все без исключения одеваются в праздник по буржуазному, но все уверены, что они коммунисты, потому что „рабочий человек не может не быть коммунистом“.

Ко мне сначала относились подозрительно, потом пригляделись, попривыкли и даже сдружились. Они даже откуда то слышали, что я казак. Им известно, что я не смею возвратиться домой, ибо я воевал „против России“; они думают, что вообще „казаки — это собственное войско русского царя“. Разубедать их я не пытаюсь и, вообще, в политические разговоры с ними не ввязываюсь памятуя, что чем дальше в лес, тем больше дров. Предпочитаю оставаться без дров на краю леса.

Но иногда явной неправдой заденут за живое — не вытерплю, разгорячусь, увлекусь и наговорю много такого, чего бы не следовало говорить перед „сими малыми“. Вчера, например, один из „передовых“ начал славословить коммунизм и жизнь в СССР. Стоит, мол, завести в Европе коммунистический строй и безработицу как рукой сняло, а с неба хлопьями повалит манна всяких благ. О процветании СССР. говорит весьма уверенно, как если бы сам там побывал. Я знаю, что эта уверенность является следствием не компетентности оратора, а нескольких бутылок пива, которые он осушил по случаю субботней полочки.

— А вы хорошо разбираетесь в том, что такое

а между тем они должны были служить на всем своем, исключая провиантского продовольствия, и выходить на службу о трех конях, которых плодить дома не было возможности.

Чтобы выйти из этого невозможного положения, Потемкин подарил Черноморцам свое имение на Таманском полуострове с богатыми рыбными ловлями на Ачужской косе, имение ничего ему не приносящее, так как находилось на совершенно пустой территории и избыло лвала она больше болотами и плавнями, чем пахотной землей. Для поселения Войска, конечно этого было мало и вследствие ходатайств того же Потемкина была отправлена депутация в Петербург просить присоединить к нему и степи, находящиеся между Азовским морем и рекою Кубанью.

Во главе этой депутации стоял Головатый. Ходатайство увенчалось успехом, хотя и не вполне, так как получили меньше того, что предполагали. Тем не менее это дало возможность Головатому запеть:

„Заслужили от царицы за службу заплату...“

Это действительно была только заплата на тот кафтан, который разодрала сама же царица, так как подарок этот не стоил и десятой доли того, что отобрано было у Запорожцев. И дорого же было впоследствии заплачено за него!..

Так кончился этот первый, так сказать, эмбриональный период Черноморского Войска. Хорошо уж и то, что в конце концов ему удалось на более или менее прочном основании получить собственную территорию.

Как зажили Черноморцы на новом месте, при новых порядках — речь впереди.

коммунизм? — спрашиваю его. Смотрит на меня негодуя и отвечает:

— Вероятно лучше вас и вам подобных палачей рабочего движения...

Выражения бесспорно коммунистические, но мой оппонент слишком убежденный пьяница, чтобы быть убежденным коммунистом.

— Коммунизм не признает частной собственности, а у вас есть дом... — продолжаю.

— Собственности не должно быть... Собственность рождает неравенство... Люди все одинаково рождены на свет, все имеют одинаковое право на существование и средства к нему...

— Отрицает брак, семью...

— Правильно. Брак — буржуазная форма порабощения и эксплуатации женщины... В социалистическом государстве будут свободные отношения между людьми, указанные самой природой...

— Свободу личности, которая приносится в жертву коллективу...

— Зачем мне свобода личности, раз я ни в чем не буду нуждаться. Государство само постарается обо мне... А что мне из вашей свободы, когда я подыхаю с голоду...

— Убивает в человеке инициативу, которая является столь могучим фактором человеческого прогресса...

— С меня хватит того прогресса, который уже есть, лишь бы я мог им пользоваться...

Вижу, что мой собеседник непромокаемый. Задолбил себе в башку, что коммунизм — единственное славословное средство от всех бед и зол житейских и все доводы против отскакивает от него, как горох от стенки.

Мой собеседник смотрит на меня пьяно торжествующими глазами, а на лицах окружающих нас замечаю ехидные усмешки. Они считают меня побежденным. Хватаюсь за последнюю возможность выйти с честью из диспута.

— И тем не менее, камарад, коммунистом ты быть не можешь, — говорю.

— Я им есть, — гордо заявляет он.
 — Коммунизм борется с пьянством, а ты ни одного дня не обойдешься без выпивки. В СССР коммунистам запрещено употреблять алкоголь...
 — Неправда, в России разрешено продавать водку...
 — Временно, — говорю, — пока наладятся советские финансы, а погом — крышка. А коммунистам и сейчас строго запрещено пьянствовать и пьяниц в компартии не терпят...
 Присутствующие заволновались.
 — Как бы это выглядело, если бы рабочий человек даже выпить за свои деньги не мог... Целую неделю работать, а потом даже глотку от пыли нечем почистить... К чорту я не вол, чтобы пить воду! — смеется один из рабочих.

Ко мне обращается рабочий, который был в России в плену и поэтому считает себя компетентнее остальных в разговорах со мной.

— Это неправильный коммунизм, — говорит он громко, чтобы слышали остальные. Настоящий коммунизм рабочему пролетарию все разрешает. Так оно и было в России вначале, пока у власти были Ленин, Троцкий и Пушкин. Это Сталин начал заводить новый курс...

Он важно осматривается по сторонам, гордый званием „русских условий“.

Я хочу удержаться от хохота, но не могу и прыскаю в платок.

„Бедный Пушкин, думаю себе, снилось ли тебе когда нибудь, что тебя произведут в народные большевицкие комиссары...“

Думы и мысли.

Е. Булавин. (Канада).

Казакам... не всем.

Помог-бы кто мне разобраться
 В „волнах“ казачьей „кутермы“, —
 Не мой удел с Вами ругаться,
 Лишь знать хочу: где Вы — где мы?..
 Что ополчились писаки —
 Против кого и для чего?
 Зачем „сугубите“ во мраке
 Юдоль изгнания своего?
 Края казачьи помнят Вас,
 Как славный ряд своих сынов,
 И все вы боритесь сейчас
 За долю братьев казаков.
 Зачем природой даны Вам
 Порыв, и разум, и язык,
 А на злорадствие врагам
 Зачем поднят позорный крик?
 Какая недругам казачьим
 Поддержка в Вашей ругатне?
 Они следят с чутьем собачьим, —
 Что в Вашей деется среде.
 Друзья! привет мой Вам казачий!
 Ведь Вы все тоже казаки,
 У всех-то Вас порыв горячий,
 Лишь Ваша ссора... пустяки.
 А Ваши разные дороги,
 Ничуть не рознятся, идут.
 Проверте Вы путей итоги
 — Все в Край Казачий приведут.

Август, 1930 г.

Открытое письмо Председателю Донского Правительства Н. М. Мельникову.

С глубоким прискорбием и с тяжелым камнем на сердце пишу эти строки на страницах журнала „В. К.“ Прошло не мало времени нашей эмигрантской жизни, а еще трудно предугадать конец ее, а думы наши казачьи все о Доне и о Доне. Часто вспоминаешь братьев казаков, которые обитают неведомо где; да и трудно сыскать кого либо из хуторцов, с которым мог бы поделиться думами и мыслями о судьбе, нас постигшей... Псылаю я розыски в печати — может кто откликнется, — но никто не нашелся. Быть может многие сложили свои буйные головушки за честь казачью, на поле брани, или, вернее, за „Единую-Неделимую“ Святую Русь...

Нас здесь 18 донцов, два уральца и много украинцев. Обитаем в глуши лесов польских и мало что знаем о нашей эмиграции казачьей. Газет не читаем, потому что дыряв карман, только проник к нам журнал „Вольное Казачество“ и все им поделиаемся и он нам одно утешение.

Я лично слышал, что Донское Правительство издаст еще журнал „Родимый Край“, который отстаивает

интересы казацки. Но за погоней куска хлеба нет времени воспользоваться им и поинтересоваться работой нашего Правительства за границей. Мое личное мнение теперь такое: если казаки понесли глубокую ошибку в войне с большевиками, то должны же поправить эту ошибку в будущем.

И вот попался мне № 6 журнала „Р. К.“. Стал читать. И когда прочел, увы, глубоко я в нем ошибся, в нем Казачество, как боевая часть для восстановления Святой Руси, а главная статья г-на Мельникова о самостоятельности.

Скажете, г-н Мельников, от чистой совести, кто вам дороже — родная мать или мачеха? От кого вы плодами питались, не от своей ли родной земли казачьей, которая родила вас и воспитала своими соседями? Ежели есть в вас хоть сотая часть казачьей крови, вы приляжьте ухом к земле и вы услышите плач родной матери — земли казачьей, которая стонет от чужого напыла.

Вы поставили пару слов из Гоголя, как Тарас Бульба спрашивал о других казаках: а что Касьян, что Бородавка, что Колопер, что Пидсышко? И Тарас слышал в ответ, что Бородавка повешен, что Колопера содрали кожу, что Пидсышкова голова посолена в бочке и отправлена в Царьград. Понурил старый Бульба голову и говорил — добрые были казаки. В этом вы правы, г-н Мельников, потому что эти казаки стояли за Казачество. Но, как вас помнят казаки? ведь через вас истреблено Казачество, ради „неделимой“, и еще хотите и с остатком рассчитаться.

В журнале „Р. К.“ сказано, что 180 группа вошла в „Казачий Союз“. Это просто детские рассуждения, когда ребенок хватается за новые купленные ему игрушки. Что же вы хотите сделать со своей кучкой русских изгнанников, которых русский люд выкинул, как негодный элемент? Ведь крестьянин помнит как он пролил землицы у батюшки царя и помнит то, что он получил в ответ, а теперь, что они хотели, того они и добились. А не помнят башкиры и киргизы награду Шувалова за уральские заводы? А не помнят крестьяне помещиков, которые в тылу белой армии расправлялись с жителями деревень, соседних со своими именными? А не помнят думаете они, как всякие карательные отряды поедали их яйца, масло и насиловали их деревенских девушек?

Другие народы кроваво были покорены, захвачены Русью и крестьяне закрепились на их местах. Восстановилось было и Казачество на своих собственных землях, что достались нам от отцов, но только наши вожди не захотели быть нашими Масариками и Пилсудскими, а повели казаков от стера до мала восстанавливать невозвратно и, в конце концов, сами остались у разбитого корыта. Старая Русь отошла в вечность и карта ваша бита.

Г-н Мельников, теперь скажу пару слов вам о Деникине. Хотя это вам известно, но как вы были на высоте своего положения, то вы этого не заметили. Я упомянул вам, что ваша пачка была выкинута своим

народом, как негодный элемент, и казачьи водители им дали убежище и власть, за что и сами поплатились. Деникин в Ростове образовал новую государственную Думу и эта Дума сидела, сложа руки, в перчатках, получая все и вся, только отдавала распоряжения чужим. Но, когда вы послали членов Круга к Деникину просить хлеба для неухоженных округов Дона. И что же, наши члены Круга полтора часа стукали в коридоре сапог об сапог; он не посчитался с ними, как с народными представителями... Наконец, долгожданный час настал. И что же, он с ними мало и разговаривал о хлебе. Ответил, что у него хлеба нет, а если и есть так это для Ставропольской губернии (а она была занята большевиками, но губернатор уже был назначен). Все это из слов того члена Круга, который ездил просить хлеб.

И вот, г-н Мельников, увидели вашу ошибку те казаки, в которых течет чисто казачья кровь и создали организацию Вольное Казачество и те казаки высказали вам суть-правду, а ведь теперь правда в глаза колет, которая вам не нравится и вы в своей статье наговорили, что на вербе груши растут. Но, конечно, спорить вы не можете, а только оправдываетесь, перед вольным казачеством, но никогда не оправдаетесь потому, что все Казачество через вас томится и на родине, и в Соловках, и в тюрьмах.

Там поднимают восстания, потому что хотят быть хозяевами своего дома, а в России все спокойно, восстание им и на ум не идет, они своего добились. И вряд ли вы из казаков кого заманите пойти по старой московской дороге. Прошлое научило нас так, что и теперь к уму не придут через десять лет в эмиграции.

Вы, г-н Мельников, говорите, что в „В. К.“ мало донцов. Неверно. Вот недавно создалось Вольное Казачество и я уверен, что более казаков донцов в „В. К.“, чем у вас, т. е. в вашем лагере. Вы влезли, как муха в паутину, и тянете казаков к себе, но казаки не идут.

Ведь всем известно, что Европа смотрит на Россию сквозь пальцы, потому что никто не хочет, чтобы она была такой, как раньше. Ежели бы державы хотели восстановить прежнюю Русь, так это давно было бы сделано. Все богатство в Казачестве и нам скорей найдется помощь, чем Руси, потому Русь без Казачества, как оборванный пень, а Казачество станет великой и богатой страной с выборным Войсковым Атаманом из казаков, а вы мыслите тоже с Атаманом, но наоборот, потому что всем было известно, какие были Атаманы.

Нет, всему этому пришел конец. А быть Вольному Казачеству и Атаману казаку, а на границах Казаккии будут красоваться столбы с казачьими гербами, а между ними будет прохаживаться казак часовой, который будет оберегать свой Родной Край... А на вашем журнале я приписал спереди две буквы: не — т. е. „Неродимый край“ и так это удачно вышло, что трудно разобрать и, читая его, казаки сочли, что это самое правильное название вашему журналу.

Емельян Кочетов.

„Дикие фантазии.“

Значит, если у казаков проснулось самосознание, если они почувствовали то, что у них было глубоко в душе со дня рождения, именно — если они почувствовали себя казаками, если они хотят создать свой Край, если они не желают быть „лапотниками-ваньками“ — все это, по мудрому решению — увы, Донского Атамана, „дикие фантазии“.

А если класть казачьи головы во имя призрачной мечты освобождения России от русского народа, это какие фантазии?

А если идти туда, куда нас совершенно не просят и лишь потому, что кому то хочется войти в Москву на сером коне, послушать малиновый перезвон колоколов, это ли не „дикие фантазии“?

А если лить казачью кровь, бросить на разграбленные и насилия, цветущие, богатые края, пожертвовать отцами, матерями, детьми лишь во имя того, чтобы вырвать пензенского „ваньку“ из воображаемой беды и когда этот самый „ванько-богоносец“ распоясался, что называется во всю и из „распашки“, где у него, как

предполагали некоторые наивные люди, была душенка, он выхватил „финку“ или фунтовую гирию и пошел орудовать над беззащитными женщинами, стариками и детьми в казачьих краях, — можно ли фантазию диче, какая была?

Вдумайтесь сами, казаки, и ответьте чистосердечно, за что, за какие грехи умучены наши отцы, наши дети? Ведь мы бросили в войну все наше благосостояние, богатства, наши жизни и за кого? Разве не удовлетворенный чувствовал бы себя каждый из нас, если бы мы боролись за свою самостоятельность? А дети наши, эти святые мученики, за что умерли? Правда умерли с честью, но еще было бы отрадной, если бы все те, кто погиб, погибли за идею создания собственного государства. Ведь на крови детей наших спекулировали, развратничали.

Может быть вы все помните, в 1925 г. в газете „Последние Новости“ появился рассказ: „Тайна“. Вы вероятно также помните, какую „бузу“ подняли наши „зубры“ по поводу этого рассказа. Почему? Видите ли у них, у этих самых „зубров“ есть подрастающее поколение, готовимое на „командные высоты“ в будущей России, ну и не удобно же его так „развращать“! Не знаете ли к каким фантазиям это относится?

Из всей многодневной полемики по поводу в результате „бездарного“ рассказа, можно вывести заключение, что здесь за границей собрались старцы в возрасте от 100 до 150 лет или ловкие втиратели очков. В самом деле, какой цинизм, какое издевательство слышится из уст сих мужей мудрых, когда они начинают говорить и раговать за добродетель!

Не так давно это было: по необозримым степям Дона, Кубани, словно вырвавшись из ада, летят стрелой мощные сормовские локомотивы, таща за собой ряд блестящих новеньких салон-вагонов, битком набитых, теперешними эмигрантскими „зубрами“; здесь в вагоне, после сытного обеда с возлиянием, на мягких диванах, отдыхают сам барин с супругою, со чадами, окруженные громоздкими чемоданами, на верху которых восседает пара болонки или лгавых. Мерно позвякивает рессорный вагон и катит туда, в Новороссийск, где на пароходах отведены уже уютные каюты для самого, самой, чад и собак. Сытно тепло, тут же жена, дети... хорошо! Как хочется жить! Они отступают...

Поезд прошел... Тишина... Вдруг выстрел... другой... орудие ухнуло... и из-за пригорка, по обе стороны полотно железной дороги, движутся ровною цепью точки. Что это, мираж, духи? Откуда они? Кто? Ближе подходят: огрубелые, безусые лица, в глазах детский блеск, тонкие, детские руки судорожно сжимают винтовки, масса погронов. Сгреляют. Кто же они? Казачата, дети!! От 12 лет, с винтовкой в руках, по колено в грязи, огрызаясь как волки, они бьются за милый, свободный свой Край. Дети 12 лет! Слышите, вы, крепколюбые, с душой хамелеона наши водители! Дети!!

Вот старый казак, прижавши сына к груди, плачет навзрыд: „Сенюша... сынок... отзовися... О, Боже! Нью-жли!“ Грянуло рядом гранатой и... спи спокойно, старик, с сыном тебя уж никто не разлучит. Из ямки, полной грязи, воды, комочек вскочил поднялся сам маленький хрупкий, ветром качает как степную ковыль, хотел побежать сил не хватило, глаза затуманились, а кровь изо рта, черной змеею сползала все больше и больше; глянул — руки в крови; жутко, надорвано, средь грохота выстрелов, проклятий и слез, прозвучало отчетливо, милое, светлое, такое святое: „Мама!“ Рухнул на землю и гонеслась к небесам неуспешная расцвести молодая, сильная казачья душа. Здесь умирала орлы и орлята!

А „зубры“ в тиши кабинетов „спасали“ Россию, спекулировали, переправляли добро за границу. Нарисовали Россию в кокошнике, со шитом, перстом указующую в пространство, а под нею подпись: „Почему ты не на фронте?“ А знал ли сей художественный муж, что ему она говорит, у него спрашивает: „Пойди, замени собою дстей“. Пошел. Да, но дальше Освага и кабака „Дарданеллы“ ни шагу. На фронте могут еще убить, за Родину, конечно, но а в кабаке, так приятно

стреляет... шампанское, где он и лег костями... пьяные бо сраму не имут.

Воросскийк. Мозг и цвет русской нации отплыли, удобно разместившись в уютных кютах, а на берегу остались тысячи женщин, детей, стариков и конечно, из казачьих Краев. Вдруг крик, стон... ворвались победители... и здоровенный „ванько“, с каторжанским лицом, вломился в гушу сбившихся, как стадо овец, женщин и кромсает штюком. О! стоном пошел по берегу моря этот плач матерей! Слезы и слезы! Это плач материнского сердца по тому, за кого было принято столько мук и пролито крови при рождении.

Перестали ли плакать теперь? О! нет! В письмах, облитых слезами, в тихую лунную ночь, когда дремлет природа, прислушайтесь и услышите плач, по исковерканной, разбитой святыне.

Плачь и рыдай, бедная мама-казачка, „арапы“ сделали свое дело и ушли. Тогда там можно было послать детей, во имя „их“ Родины (подразумевай, барышей) в казарму, в бой, отнимать у них самое дорогое, прекрасное — душу... Здесь же какой то расказ „бездарный“, возвращает их молодое поколение. В самом деле, дети таких сановитых отцов: графские, княжеские, министерские и просто „выдающихся“ деятелей, ведь они такие нежные, хрупкие, что хрустальный сосуд, ну, а те? Те просто дети „холопей“.

В. Новак (терец).

12-VIII-30. Лион.

Бухарестские письма.

I.

„Перевозка во Францию.“

На страничках журнала „Родимый Край“ редактируемого председателем „Казачьего Союза“ г-м Мельниковым, каждый раз помещается специальная заметка под заголовком „Перевозка во Францию“, из которой читателям видно, что в течении какого-то месца из какой-то страны представителем „Каз. Союза“ или непосредственно самим Союзом — перевезены на работы во Францию такие то донцы, кубанцы, терцы и др. Кроме этого, Правление „Каз. Союза“ предлагает казакам, желающим воспользоваться переездой во Францию, прислать групповые списки (со старшим во главе) с указанием имени, отчества, фамилии, возраста, семейного положения, Войска, станицы и точного адреса.

Казачья группа в Бухаресте, прошлого 1929 года, испытывая острый кризис безработицы, соблазнившись вышеприведенным объявлением, решила воспользоваться заботой и помощью Союза — переехать во Францию.

На имя Председателя „Каз. Союза“ Мельникова от имени группы (возглавляемой мной) была послана просьба об устройстве группы на работу, с приложением именного списка со всеми требуемыми формальностями.

Г-н Мельников не заставил себя долго ждать и через короткое время на мое имя пришел ответ. „Многоуважаемый“ и проч. „Группу Вашу удалось устроить хорошо“ на такой-то завод, на такие-то условия, комнаты, электричество, дешевые кантины, помощь станицы и проч. Словом, бесплатный курорт — а не завод!

За такой благоприятный ответ, г-ну Мельникову было послано благодарственное письмо с запросом по отношению виз, контрактов и проч. Вместо ответа пришел бесплатный номер журнала „Родимый Край“, а несколько позже — письмо с просьбой подписаться группе на этот журнал. Визы-же, контракты, деньги-авансы на переезд — будут посланы на имя французского консула в Бухарест. Справьтесь через недельку. Таков краткий смысл полученного письма от Мельникова.

Группа, подписавшись на журналы (21 человек, отдав чуть-ли не последние гроши), вступив членом в „Казачий Союз“ („Родимый Край“ № 10-1929 г. дек.), готовилась к выезду. Но, полученное письмо от г-на Мельникова пригвоздило группу на месте. „Беда, действительно грянула“ — сообщает он — „везд русским рабочим во Францию запрещен“.

Надежда на выезд пропала. Напрасное хождение в

консульство, обивание чужих порогов, трата времени, порча крови и нервов...

Прошла весна, лето, настала осень — близится зима. Группа, верившая в „перевозку во Францию“, потеряв теплое время года, к зиме осталась без работы, лишней раз убедившись в своих доброжелателях. Моральная ответственность за группу пала на меня, как на вдохновителя, инициатора и старшего.

Возник вопрос: было-ли это на самом деле так? Предпринимал-ли какие-нибудь меры г-н Мельников по устройству группы на работу? Или это, просто, была комедия с целью заманить группу в Союз и в очередном номере журнала „Родимый Край“ приветствовать „нового члена Бухарестскую Каз. Группу“ поставить над ней № 138 (нумерация по очереди вступления) и закрыть занавес.

Комедия окончена. Казачий список куда нужно представлен. „Нас признают“. „Нам верят“. „За нами идут“. „Мы сильны“. Вот приблизительный смысл печальной Мельниковской комедии: „Перевозка во Францию“.

Я — казак. По моим жилам течет кровь Востока, а потому я склонен верить в переселение душ. Мне кажется, что Гоголевский Чичиков целиком воплотился в г-на Мельникова. Какое поразительное сходство!.. Первый всеми правдами и неправдами скупал мертвые крестьянские души у русских помещиков. Второй — почти таким-же способом закрепощает живые Вольно-казачьи души тем-же русским помещикам.

Мне кажется, что новый Чичиков ошибся в своих расчетах, потому что мертвые крепостные крестьянские души — не то что живые Вольно-казачьи. Казачьи трудно скупить, продать или заложить!

Г-н Мельников, между прочим, недурно выступает и в другой роли. Например, каждый номер журнала „Родимого Края“, редактируемого им, он снабжает эпиграфом из Тараса Бульбы.

Можно думать, что редактор Мельников чтит память Славных Запорожцев, а следовательно, питает симпатии и к их настоящим потомкам — Кубанским казакам. Но читатель может обмануться, приняв эпиграф за чистую монету. На страничках этого же журнала тот-же Мельников поджигает костер под новым Бульбой и четвертует современного Остапа.

В своем пасквиле „о самостоятельности“ („Род. Край“ № 6, стр. 18) г-н Мельников говорит: „Мне думается, что дело Атаманским окриком не окончится, казачество потребует к более суровому ответу тех, кто легкомысленно позволял себе на чужбине играть казачьими головами...“ — Мне тоже самое думается, что из чужбины вернувшееся Казачество на освобожденную свою Родину — Казакую, действительно потребует отчет у тех, кто играл Его головами на чужбине, спекулируя Им в несчастном положении — в безработице.

Сергей Маргушин.

Румыния, 14 VIII-930 г.

Беседа с донским крестьянином.

Пришел недавно в редакцию земляк — донской крестьянин. Попросил много старых номеров журнала. Говорит — пошлю своим землякам, донским крестьянам; они — говорят — интересуются вашим движением; я тоже все время слежу, хотя и не сочувствую; мы все ждем, когда вы скажете ясное слово по земельному вопросу на Дону в связи с крестьянским, многогородним вопросом. Вот вы, как вы склонны разрешить этот вопрос, думаете отнимать у мужиков землю или как?

— Я — говорю ему — не лидер нашего течения, а потому и брать на себя разрешение такого вопроса не могу, но думаю, что этот вопрос рано или поздно должен быть разрешен и это будет принадлежать все-казачьему представительному органу с участием и самих крестьян...

— Но мы все это слышали, все же думаем, что люди, начинающие такое политическое движение, как вольноказачье, должны иметь определенное отношение к такому важному вопросу, как вы будете его проводить или отстаивать в будущем?

— Пожалуй, вы правы, но первое слово вероятно будет принадлежать нашим руководителям...

— Руководитель ваших, зная я лично, я уже слышал, это все казаки, донцы и кубанцы, а вот как вы смотрите на этот вопрос, как калмык, как один из членов народностей Казачьих Земель? Я никогда еще ни одного калмыка не слышал по этому вопросу; у меня среди калмыков были добрые знакомые, водил с ними хлеб соль, знаю этот народ. Нам было бы интересно услышать калмыцкое мнение.

— К сожалению, я не спец по земельному вопросу, я совершенно не знаком с этим делом...

— Не важно, я ни специальных агрономических изысканий, ни ученого труда от вас хочу; имеете хоть какой-нибудь взгляд по земельному вопросу на Дону, вот ваш взгляд просто изложите, что, как я знаю, вы можете.

Я был прижат к стенке и пришлось обещать, что если только наши товарищи ничего не будут иметь против... „Только — говорю я ему — предупреждаю, что мой разбор и мои суждения по этому вопросу будут очень примитивны просты и кратки“.

— Вот, вот — обрадовался он, — кратко и ясно скажите свое мнение; мы будем знать, что вот такой-то, так бы разрешил этот вопрос. И все.

На этом мы закончили наш разговор и он ушел. Значит, выходит — хочешь-не хочешь, скажи свое мнение по земельному вопросу. Сказать, что у меня нет никакого мнения по этому вопросу было бы зазорно, пришлось обещать, что попробую.

Вопрос о крестьянах и о земле всегда был Ахиллесовой пятой, Гордиевым узлом политики правительства и политических деятелей Дона (и, думаю, других казачьих областей, где хотя недолго строительство государственной жизни принадлежало казакам). Неразрешение, или неудовлетворительное разрешение этого вопроса с одной стороны и магическое действие слов „Рабоче-крестьянская республика“ с другой, конечно были главной причиной трагического раз'единения крестьян и казаков во дни 1917-20 годов. Сумей Казачество удовлетворительно разрешить земельный вопрос и сумей крестьянство понять химерности большевизмских обещаний, единение казаче-крестьянских сил для отражения большевизмского нападения на Казачество было обеспечено и возможно, что результат борьбы был бы иной.

Правда, Донское правительство, поняв неудачи первых шагов в отношении крестьянского вопроса, впоследствии пыталось исправить, но клин раздора был уже в сознание крестьянской массы вбит, вытравить его уже было гораздо труднее, а кроме того и меры эти были отчасти половинчатые.

Теперь, когда десятилетие большевизмской власти вероятно отрезвило крестьян от большевизмских увлечений, когда они уже поняли, что за словом „Рабоче-крестьянская“ ничего в сущности не скрывается, надо думать, что удачное разрешение земельного вопроса в Казакии, точное определение возможного положения крестьян в Казачьих Землях, даст возможность морального об'единения крестьян и казаков в сознании гражданина одной Родины.

Оставляя на этом область отвлеченных рассуждений задним числом, я, что называется, не говоря худого слова, возьму-ка смело быка за рога. По моему мнению, не может быть прочного государственного организма, пока та или иная часть его, особенно, когда эта часть составляет почти половину, лишена одинакового права на пользование всеми благами, произрастающими от нахождения ее в числе граждан данного государства. Государства с таким изъяном всегда должны быть готовы, что в минуты жизни трудные эти неудовлетворенные части населения не постесняются вставить палки в колеса, вместо всеобщего морального и материального „напряжения всех сил страны“. Следовательно, в интересах самого государства, в интересах его внутренней и внешней мощи искать путей установления такого государственного правопорядка, чтобы все элементы входящие в состав данного государства были бы одинаковы, как перед законом страны, так и в пользовании всеми его благами. Это рав-

ноправие в пользовании благами, конечно, само собою разумеет и равноправие обязанностей гражданина перед родиной, хотя эти обязанности требовали бы иногда и больших жертв.

В наше время редко найти государство, состоящее из однородной нации, везде в большинстве современных государств есть разновидности племен, наречий и национальностей. И в этом отношении Казачество на территории которого всего четыре основных „национальностей“ — казаки, крестьяне, калмыки и черкесы, не представляет исключения и этот факт никого не должен смущать.

Правда, генерал Богаевский и другие наши противники казачьей свободы и самостоятельности, как один из аргументов в пользу невозможности для Казачества строить свое государство, в первую голову упоминают о крестьянах. „А как будете с ними“? Вот главное их пугало.

По моему, при объективном подходе с обеих сторон, при полном понимании государственных интересов, при некотором отрешении от эгоизма, разрешение этого вопроса не так уж и трудно. Для этого нужно забыть прошлое, в котором между крестьянами и казаками были недоразумения, взаимное недоверие; что же, „былсе было и былсем поросло“ и исходить из одинаковости прав всех слоев и видов населения на все то, что государство может населению предоставить. Земля, недра и леса принадлежат Казачьему государству, право на пользование ими принадлежит всем гражданам на равных основаниях, что влечет за собою и равноправие обязанностей. Вот это главное, остальное же „как, где, сколько“ это уже вопросы технические. При этом, само собою разумеется, что исключается вопрос о легализации положения созданного в наших Землях большевиками. Разговор может и должен идти лишь о крестьянах коренных и живших оседло на арендных участках до революции. Все, же что понаехало по большевизмскому „строительству“, должно уехать, откуда приехали, точно также как и все казаки, калмыки и крестьяне, выселенные большевиками должны вернуться на свои места.

Вот как я решил бы, если меня спросили, этот острый вопрос. Всякий иной подход был бы чреват осложнениями и расходился бы с принципом равноправности граждан государства, что неизменно влечет и разные понимания гражданских обязанностей и что, в свою очередь, обрекает государство на всякие случайности. Это настолько общеизвестные принципы, что толковать об этом излишне.

Прочность государственных основ зиждется не только на однородности национального состава, а на однородности экономической заинтересованности, на однородности жизненных интересов. Нет еще такого закона, чтобы одна и та же нация не входила в состав разных государств. А потому не будет ничего удивительного, что и крестьяне, входя в состав равноправных граждан Казакии, будут одинаково с нами патриотами своего государства. Для этого нужно справедливое разрешение жизненных вопросов, соответствующее общественное воспитание и соответствующая среда.

С. Балыков.

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый, Г-н Редактор!

Прошу Вас, поместить на страницах нашего дорогого журнала мое искреннее обращение к моим братьям-казакам.

Братья казаки всех казачьих Войск! Девять с лишним лет мы терзаем свою жизнь по белу свету. Измученные в шахтах, утомленные по фабрикам, измученные поденщиной, убитые тоскою по родине, не видим мы своих родных станиц и хуторов. Не слышим мы сладких песен наших милых, румяных казачек. Кто же нас развеселит? Кто же рассеет нашу грусть-тоску? Никто, кроме песен и рассказов наших казачьих! Где они? Они помещены в журнале нашем-родном казачьем.

Дорогие станичники! Довольно слушать чужих нам сказочек. Пора свое казачье послушать. Читайте наш казачий сказ, про былое славного Вольного Казачества. Хвала нашим сотрудникам казакам за их великие труды в составлении исторических сказов о Вольном Казачестве.

Пусть нас судят, пусть нас клянут. Но мы — вольные казаки. Я казак. Двум Богам не служу, России и Казачеству. А у России есть свои русские люди. Казакам до России дела нет.

Г. М. Александрин.

Болгария.

Казачье колонизационное дело.

Казачий Колонизационный Комитет продолжает получать от своего уполномоченного инж. В. И. Терещенко, вернувшегося из поездки в Техас и Мексику снова в Вашингтон, весьма утешительные сведения. В данный момент переговоры вступили в заключительную фазу предварительных переговоров, а именно: сейчас заканчиваются переговоры в Вашингтоне о создании банка по финансированию колонизационного дела. Пока все идет хорошо.

Если переговоры закончатся успешно, мы в следующих номерах поместим подробный отчет инж. Терещенко о результатах его поездки.

Дальше встанет на очередь поездки в Америку для более подробного осмотра намеченных земель специальной казачьей делегации.

Казачий Колонизационный Комитет выработал для будущей делегации общий план обследования намечаемых к поселению казаками земель. План этот помещаем ниже:

I. Данные общего характера.

1. Данные об иммиграции в данную страну и, в частности, в данный район: количество, национальность, причины удач и неудач и т. д.

2. Законодательство данной страны по иммиграционному вопросу и вопросы визовые.

3. Вопросы о подданстве, воинской повинности, различных привилегий для колонистов.

4. Политические условия.

5. Формы административного устройства и самоуправления.

6. Возможности группового поселения.

7. Возможности сохранения своей самобытности для переселенцев (самоуправление, школа, управление, церковь).

8. Формы местного поселения и землепользования.

9. Возможности приобретения земли в собственности колонистами.

10. Аграрное законодательство.

11. Данные о местном населении: культурный уровень, национальный состав, густота, религия, язык, бытовой уклад, отношение к иностранцам.

12. Гигиенические условия в связи с климатом, топографией местности, водой, питанием, санитарным благоустройством, медицинской помощью.

13. Вопрос о женщинах: возможность браков с туземными женщинами, везд женщин, не бывших русских подданных, специфические условия переселения для семейных.

14. Уже имеющиеся соседи колонисты и возможные союзники по совместному переселению в данный район.

II. Данные агрономические.

1. Внутренняя география района: топография, реки, устройство поверхности.

2. Климатические условия: температура, осадки, ветры.

3. Почва.

4. Флора и фауна.

5. Вегетационные периоды и наивыгодное время для переселения.

6. Мелиорация.

7. Характер местного сельского хозяйства и его формы.

8. Бытовой уклад в сельском хозяйстве.

9. Местные культуры: зерновые, садоводство, огородничество, виноградарство, специальные местные растения.

10. Вредители и местные условия борьбы с ними.

11. Иные виды сельского хозяйства: животноводство, птицеводство, пчеловодство.

12. Рыболовство и охота.

13. Вопрос о сохранении сельхоз. продуктов и возможности привычной обработки на месте.

14. Вопрос о сельскохозяйственном инвентаре: его вид, количество, возможности получения, оборудование хозяйства по отдельным отраслям.

15. Сельско-хоз. постройки и строительный материал: местные строительные материалы, возможности подвоза леса, особенности местных построек и т. д.

16. Сельско-хозяйственные рабочие.

17. Общие тенденции в развитии сельского хозяйства в данном районе.

III. Данные экономические.

1. Общее географическое положение района: выход к морю, связь с мировым хозяйством и хозяйством данной страны, положение в отношении мировых путей сообщения и основных магистралей данной страны.

2. Общая народохозяйственная характеристика района в связи с местом, занимаемым им в хозяйстве данной страны.

3. Экономическое тяготение района: пути торговли, ближайшие торговые центры, влияние иностранного капитала, банки и группы, заинтересованные в судьбах данного района.

4. Политико-экономические оценки связи с теми или иными деловыми группами и капиталом, в связи с общими будущими экономическими интересами Казачества.

Инж. В. И. Терещенко на небольшом участке, засеянном подсолнухом для получения семян для корма кур. Этот участок — в черте городка „Катарина Фарм“ в Техасе (километрах в 15 от „нашей“ земли). (Там еще не знают вообще, что можно делать с подсолнухом).

5. Пути сообщения и транспорт в данном районе: пути водные, жел. дороги, шоссе, строящиеся дороги; быстрота и регулярность сообщения, тарифы; оборудование специальными перевозочными средствами; почта и телеграф.

6. Наемный труд: кадры рабочих, их источники, оплата труда, специальное законодательство, сезонные рабочие.

7. Налоги и налоговое законодательство.

8. Общая экономическая конъюнктура в данной стране и районе и тенденции в ее развитии.

9. Земельная рента.

10. Место хозяйства в общей экомомике страны и данного района.

11. Местная промышленность и возможности организации собственного с-х. производства.

12. Возможности использования местной промышленности в вопросах снабжения колонистов с-х. оборудованием.

13. Сельхоз. рынок: спрос на различные виды сельхоз. продуктов; сельхоз. вывоз и ввоз; организация рынка и техника торговли сельхоз. продуктами; цены на сельск-хоз. продукты.

14. Возможности сбыта сельхоз. продуктов: технические возможности в связи с данными транспорта, ближайшие центры спроса, организация спроса, возможности вывоза за границу, возможности связи с местной кооперацией; специальное законодательство; местные организации торговцев, картели, тресты, влияние иностранного капитала.

15. Кооперация.

16. Денежный рынок и его организация в данном

районе: местные частные и общественные банки, высота и постоянство %, валютные условия.

17. Стоимость жизни: общий уровень цен (мануфактура, обувь, питание и т. д.), оплата труда и стоимость жизни.

Инж. Терещенко в зарослях дикого подсолнечника около „Катарина Фарм“ в Тексасе, на предполагаемой „нашей“ земле.

Казачья эмиграция.

Казачи на могиле Неизвестного солдата.

День 6 сентября 1930 г. останется памятным для казачьего Парижа. В этот день они были на могиле Неизвестного солдата Франции, возжигали неугасаемую лампаду. Какая благородная и прекрасная традиция; как священно чтит Франция память сынов своего народа, павших смертью храбрых, защищая честь и славу своей родины!

Казачи в этот день показали Парижу свое рыцарское благородство: несмотря на 10-нюю повседневную фабричную работу, несмотря на тяжкие условия эмигрантской жизни, они сохранили благородную память к своим французским боевым соратникам и, преодолев свою усталость, пришли поклониться праху своего неизвестного боевого товарища.

Вместе с тем они показали французам, что живо еще Казачество, что умирать оно еще не собирается, ибо возжигание неугасимой лампы превратилось в столь внушительную казачью демонстрацию, что замолчать о ней не могут и самые ярые противники Казачества.

Эта казачья демонстрация могла бы быть еще более грандиозней, если бы в Париже был Атаман, более генерала Богаевского связанный с казаками, пользующийся их доверием, например скажем, как Куб. Атаман ген. Науменко или Терский ген. Вдовенко. Но в Париже казаки говорят: Так уж повелось — никогда Богаевский ничего полезного для казаков не придумает сам, а на готовое, другими сделанное, по атаманскому праву наложит руку и сделает скверно. Примеры? Бросил Краснов в казачью массу мысль об организации и организованной жизни казаков в эмиграции — о создании станиц, хуторов, а ген. Богаевский спешит за ним и издает приказ о создании тех же станиц и хуторов.

Сами казаки приходят к сознанию необходимости организации взаимопомощи и создают кассы взаимопомощи, вносят деньги в свою кассу, а ген. Богаевский спешит создать свой русский банк, вносить куда деньги просит всех казаков.

Сами казаки приходят к сознанию необходимости устраивать доклады, собеседования, для чего ищут и

находят людей, а ген. Богаевский спешит им на „помощь“, изъявляя готовность осчастливить их своим проездом, но при условии, если казаки оплатят из своих карманов его проезд по 1-му или 2-му кл.

Так и теперь. Инициатива возжигания казаками пламени на могиле Неизвестного солдата исходила от отдельных казаков, они же и беседовали с Председателем Комитета Пламени и добились разрешения. Этот председатель был настолько внимателен к казакам, что разрешил им быть в своей форме, при орденах, под своими флагами (тогда как Р. О. В. С. ношение формы разрешено не было). Началась подготовительная работа. Но это обстоятельство стало известным ген. Баратову, который поспешил об этом сообщить ген. Богаевскому, а последний, в свою очередь, поспешил объявить в газетах, что он взял все дело в свои руки. Этим сухим газетным объявлением Богаевский и ограничился, тогда как казачьи организации (Кубанская станица, Уральская станица, Терское Об'един.) развили большую подготовительную работу: устраивали собрания, заседания на эту тему. А когда все казачьи организации пришли под своими флагами, то ген. Богаевский покрыл их своим русским флагом — смотрите, мол, добрые люди, это не Казачество, а Великая Россия.

Это заранее известное обстоятельство — Богаевский и русский флаг — несколько охладило казаков. Многие парижские казаки категорически отказались от принятия участия в этом деле лишь потому, что там Богаевский. Но самостоятели решили, что кто бы не возглавлял, это — общеказачье дело, вопрос идет о чести и имени Казачества, о казачьей публичной демонстрации в столице мира — Париже, следовательно нужно пойти всем, нужно принять все меры, чтобы как можно больше собралось людей, как можно внушительнее получилось. В этом направлении они повели работу, всюду доказывая казакам необходимость присутствия. Приезжий из Праги представитель „В. К.“ Ш. Бабинов в частных беседах и на собрании Общекалмыцкой станицы в Жуанвиле разъяснял символическое значение могилы Неизвестного солдата, смысл предстоящего возжигания на ней казаками пламени и

призывал всех пойти, с чем единодушно согласились.

Место сбора казаков было назначено у выхода метро George V., что на авеню des Champs Elysses в 5¹/₂ часов вечера, а самое возжение пламени было назначено в 6¹/₂ часов вечера.

Пришел на место сбора в 5 час., а улица уже заполнена казаками. Из выхода метро непрерывно выходят группы казаков. Подкатывают на своих машинах казаки шоферы, иные с семьями. У всех возбужденные радостные лица, будто собрались в поход на Дон, Кубань, Терек.

Всюду слышна оживленная беседа, видна светлая бегодня. Знакомые формы донцов, кубанцев... родные флаги: Донской — сине-желто-красный, Кубанский — сине-малиновый-зеленый, Терский — синий, Уральский — малиновый и т. д. Вот стройными рядами стоят кубанцы в своих красочных черкесках и папахах. Небольшая группа донцов в форме. Гляжу: важно, с сознанием своего достоинства медленно рассказывает здоровый, стройный донской сотник. Ничего, что за десять лет перерос он свою гимнастерку, еще с Дона вывезенную, что потеряты брюки с лампасами слишком тесны — он под своим родным флагом, в своей любимой форме, у которой может быть заштопанное место — след большевицкой пули, — он среди своих братьев.

Загорелые, стройные кубанцы торжественно тихо стоят под своим родным флагом. Груды многих украшены георгиевскими крестами, медалями. Какие думы и мысли носятся в их головах, какие картины и образы встают в памяти?.. Думают ли они о создании „Великой России“, или жаждут спасения своих сестер, жен, матерей, своих родных Краев от деспотического Красной Москвы, от власти задавших целью уничтожить Казачество большевиков?.. Ген. Богаевский вероятно скажет, что они только и думают о создании своей кровью „Великой России“..

Постепенно вся улица заполняется казаками. Улица превращается в казачий лагерь. Наблюдается усиленный наряд полиции. Французы удивлены. С усилием протискиваются к донцам, кубанцам в форме, стоящим группой в центре под развевающимися казачьими флагами. Спрашивают — им раз'ясняют. Всюду слышится: казаки, казаки. Окна соседних домов кишат головами, дамы направляют бинокли. Движение на улице затрудняется, получается затор. Из медленно подошедшего автомобиля выскакивает пожилой донской войсковой старшина, на ходу цепляет шашку. Здороваясь, машинально подносит руку к козырьку — форма обязывает... Иду, приглядываясь к лицам. Член Донской станицы в Париже — А. Л. Лысенков, М. М. Колесов и др., Кубанская ст. во главе с Г. И. Галушко, Е. М. Якименко и др., члены Уральской ст., Терского объединения, делегация Калмыцкой станицы с атаманом Шароповым, представ. Куб. атамана полк. Елисеев. Большинство казаков в штатском, преимущественно в черном. „Штатские“ сильно сожалеют, что не сохранили форму.

— Непременно надо справиться форменную одежду, — слышатся голоса.

Рядом с группой калмыков стоят несколько астраханских казаков. Среди них огромного роста, стройный господин. Знакомимся. Кругликов — фамилия его.

Всюду слышится оживленный разговор. Прислушаюсь:

— Молодцы кубанцы... смотреть на них любо. У них своя старая станица... они очень дружны... они много раз собирались, обсуждали этот вопрос, выработали программу действия на сегодня и результат на лицо, не то, что у нас — донцов, несмотря на то, что у нас тут и Атаман и Председатель Пр-ва, — с явной завистью и сожалением говорит пожилой, бравый донец.

— Какой он Атаман... Да, Атаман, только для себя лично, а не для казаков. Ему свои интересы, а не казачьи... Разве можно его назвать атаманом, когда он за 10 лет ни разу не созвал здесь, в Париже, казаков, ни разу не побеседовал, — грустно замечает другой.

Ах, если бы у нас Атаманом был не Богаевский, а настоящий казак, болеющий его интересами! Как недостоинно Донского Атамана его сиденье на двух стульях...

— Как на двух стульях?

— Да, так... зачем он прикрыл наши казачьи флаги русским? Сидит он на кресле Донского Атамана, а вместе с тем примасивается и к стулу ген. Миллера и все таки не пристроится, провалится. Уже теперь становится всем известна его „игра“: в личной беседе с отдельными казаками говорит одно (собирать их в большом количестве боится), а своим русским „хозяевам“ поет другое; когда ген. Миллер занял свой пост, Богаевский поспешил выразить от имени ОСДКТ, без соглашения на то Куб. и Терского Атаманов, верноподданнические чувства, а на письменный протест их ничего не ответил.

Когда было получено возвание восставших на Кубани, Кубанский и Терский Атаманы напечатали обращение к казакам о пожертвовании в „фонд спасения Родины“, предварительно послав текст Богаевскому „для сведения“. Это желание Куб. и Тер. Атаманов помочь восставшим и страдающим казакам сильно не понравилось ген. Миллеру и он запросил Богаевского — что сие значит? Богаевский, не смущаясь, ответил: „Не знаю“, т. е. скрыл, что текст этого обращения ему присылали — не хватило мужества. Эх, Атаман, Атаман...

— Так, значит, он водит за нос и Миллера и Куб.

и Терск. Атаманов?

— Думает обвести, но те уже раскусили его...

— Что слышно о повстанцах?

— Ничего нового... Кубанцы обязались вносить ежемесячно по 5 франков в свою казну...

А казаки все подходят и подходят. По сторонам улицы публика стесняется все больше и больше. Тесно, давка. Хорошо, что после невыносимо жарких дней в Париже накануне прошел дождь и стояла хорошая погода.

Наступает 6 с половиной часов. Кто-то отдает распоряжение. Разговоры умолкают, казаки выстраиваются.

— Слушай Петя, сколько среди этой публики таких наших „соотечественников“, которые готовы были бы взорвать нас на воздух?

— На наш век хватит...

— Вот, видишь, сам Миллер изволил явиться. Почувствовал силу казачьего духа и спешит примазаться к казачьей силе — и мы, мол, возем. Говорят, когда Р. О. В. С. возжигал пламя, то их всего навсего собралось 150 человек. Так то они всегда казачьими руками жар загребают...

Медленным шагом, стройными рядами двинулись казаки. По обеим сторонам улицы шпалерами стоящая толпа составила тесный коридор. Все движение остановилось.

То шли казаки поклониться могиле Неизвестного солдата — своего собрата по оружию. Перед этой вереницей легендарных казаков и их флагами почтительно склонялись многие головы.

Фотографы суетливо бегают там и сям, шелкая аппаратами. Под Триумфальной аркой казаки выстраиваются в карре. Посредине, вокруг самой могилы реют знамена и значки. Ген. Малышев и полк. Елисеев возлагают на могилу венок с надписью: „Казачи — Неизвестному Солдату“. Под наступившее глубокое молчание, под бой барабана выполняется церемония возжигания лампы. В эту минуту знамена и значки медленно склоняются к каменной плите могилы Неизвестного Солдата, а затем также медленно поднимаются.

Тем же порядком, стройными рядами казаки проходят под Триумфальной аркой. Дань собрату по оружию отдана, иллюзия кончилась и опять, сняв любимую, родную форму, надо вернуться к серым будням, к тяжелой повседневной работе.

... Как это тяжело... И когда же, наконец, взойдет солнце свободы над Родными Краями?..

(Соб. кор.)

Казачий Париж в августе 1930 г.

3-го августа состоялось чрезвычайное собрание Кубанской станицы в Париже. На собрании были и Донцы. Станичный Атаман полк. Галушко прочитал собравшимся письмо повстанцев и был зачитан приказ Кубанского Атамана. Донцы, выйдя с собрания Кубанской станицы, задавали себе всевозможные вопросы и рассуждали на все лады. Защитником ген. Богаевского

отвечали: „Почему Кубанский и Терский Войсковые Атаманы нашли нужным и поставили себя в обязанность отдать приказы для моральной и материальной защиты Родных Краев и объявили о сборе денежных средств среди казаков...“

Хотя листовка от 1 авг. 1930 г. от Донского Атамана появилась и в Париже, ее некоторые казаки получили только 14 авг.

Донские казаки в Париже решили собраться в следующее воскресенье 10 августа. На собрании 10 авг. выбрали казаков в инициативную группу для созыва сбора и организации станицы.

Согласно объявления в газетах, сход донцов был назначен в 2 ч. 30 м. 17 авг. в комнате одного из ресторанов на В-d La Four-Maubourg. К указанному времени прибыло до 40 казаков и через полчаса было на лицо 57 человек. Старший инициативной группы г. Лысенко спросил разрешение у собравшихся объявить о цели собрания станичников. Получив разрешение он сказал: „Цель нашего собрания создать Донскую станицу в г. Париже, в которую бы вошли все казаки, не взирая на их политические убеждения“, причем просил собравшихся избрать Председателя собрания каковым и был избран г. Лысенков. Он в сжатом виде обрисовал нужду отдельного казака и всех казаков находящихся в эмиграции и безвыходное положение наших братьев казаков в Родных Краях, что его заставило собрать и запросить сход, нужна ли станица для моральной и материальной поддержки казаков? Казаки высказались за необходимость учреждения станицы.

Привожу ниже выписку из протокола собрания:

Организации Донских казаков, живущих в городе Париже и его окрестностях, для образования Донской станицы в городе Париже 17 августа 1930 г. Председателем собрания был избран г. Лысенков Андрей Львович при секретаре Колесове Михаиле Максимовиче. Общий сбор высказал пожелание немедленно приступить к избранию Атамана станицы. Кандидаты указаны: 1) Лысенков Андрей Львович, 2) Коротков Тихон Антонович, 3) Прокофьев Виктор Константинович. Кандидаты в Атаманы подверглись закрытой баллотировке. Большинство голосов получил: Лысенков 27 избирательных голосов, Прокофьев 13 избират. голосов, Коротков 11 избират. голосов. Таким образом по большинству поданных голосов, избранным оказался в Атаманы г. Лысенков Андрей Львович.

Сход дошел всего до выбора правления станицы и... Донская парижская станица в тот же день на этом и умирает.

Причины смерти. Сначала все шло тихо и спокойно, как бы у себя на хуторе или в родной станице. Лишь изредка тишина сбора нарушалась, очевидно некоторые из „политиков“ заметили, что их казаки обходят. Когда же собрание дошло до выбора правления станицы, то ген. Калинин встал. Приняв артистическую позу, он сказал: „Какие-то казаки нас собрали“ и, подойдя к столу за которым находился Станичный Атаман, потребовал „политическое кредо“ станицы, причем добавил: „Прежде всего политика и политика“. К этому времени подтянулись еще казаки и сход достиг около 80 чел. Станичный Атаман есаул Лысенков стал доказывать собравшимся, что „политика“ в данное время является второстепенным вопросом, а сначала надо создать станицу. Добавил, что прежде всего мы казаки и желательно, чтобы в станице рядом сидели казаки всех убеждений, ибо это является главным успехом для материальной поддержки казаков. Что касается „неправильности избрания“ Атамана, то шары были несколько раз проверены (шары проверял околоточный надзиратель и сторонник ген. К. и п-ка Л.). После этого есаул Лысенков удовлетворяет жажду недовольных и снимает с себя атаманские полномочия.

Собравшись в воскресенье 24 авг. в Бийанкуре согласно желания сбора от 17 авг., казаки приступили к выбору и избрали снова Атаманом г. Лысенкова, писарем Колесова и правление станицы. Устав станицы был просмотрен, утвержден сбором и подан французским властям для легализации.

26-го авг. среди казаков, проживающих в Бийанкуре, стало известным, что в газ. „Пос. Нов.“ за №3443

появилось объявление такого содержания: „Донская казачья станица в Париже 31 августа, в 2 ч. 30 м. дня, в помещении У.М.К.А. (10, бульвар Монтпарнас), состоится продолжение собрания донской казачьей станицы в Париже. Повестка собрания: 1) Выборы станичного атамана и прочих должностных лиц; 2) обсуждение вопросов о помощи своим братьям-казакам на родине и о формах взаимопомощи за рубежом; 3) текущие дела.“

Как могло появиться такое объявление от имени Донской каз. станицы в Париже, когда таковой нет? Был избран 17 авг. ст. Атаман и секретарь, каковые после выступления ген. Калинина и его близких, сложили с себя полномочия, а Правление Станицы, кроме писаря, не было избрано совсем. Кроме этого сбор 17 авг. высказал свои пожелания собрать новое собрание в следующее воскресенье 24 авг. и в Бийанкуре, а не на Монтпарнасе.

31-го августа политический бой.

Здание У.М.К.А. Вход в здание со двора. В передней комнате производилась запись участникам собрания, причем казаков опрашивали, кто желает записаться в станицу. Записавшимся в станицу, входной билет давался зеленого цвета и места были предоставлены в передней части комнаты. Слушатели входили по желтым билетам и были размещены в задней части собрания. Таким образом произошло деление.

Переднее кресло и председательское место занимает старший инициативной группы ген. Калинин, а заднее кресло и в задней части комнаты усаживается проф. Марков. После вступительного слова ген. Калинина, поднимается п-к Леонов с докладом. Докладчик был прерван г. Марковым, который напомнил, что во избежание пристастия со стороны собравшихся к инициаторам, не мешало бы избрать Председателя собрания, а потом уже делать доклады. Одному молодому человеку это не понравилось, он берет слово. Обращаясь к г. Маркову сказал: „Дорогой учитель“ и... проводит параллель между Зар. С'ездом и г. Марковым. Раздаются голоса с места: „Не по существу станицы“. „Станичник, какой будешь ты станицы?“ Молодой человек тушует и молчит. Завязалась между двумя лагерями, разделенными при входе, перебранка. Казачество вступило в словесный бой. Старший инициативной группы, он же не избранный председатель, ген. Калинин не в силах справиться и восстановить порядок. Избрав момент, ген. Калинин начал читать казакам свое политическое „кредо“ и кредо будущей станицы. Он указывал казакам, что грозит бытию Казачества и что надо защищать Родные Края, но в то же время как и 17 авг. лягнул самостийников. В общем политическое „кредо“ ген. Калинина и его станицы трудно было определить.

На рубеже двух групп сидел один из числа самостийников. Он напомнил ген. Калинин времена от Петра I до сегодняшнего дня. Устно воспроизвел выдержки из Осн. Зак. В. В. Донского и из Указа Большого Войскового Круга (документ № 17). Подчеркнул о разладе в собрании и что он до сих пор не видит настоящего Председателя собрания, не смотря на то, что „какие-то казаки“ 17 авг. вели свое собрание чисто в деловом виде. Голоса: „Председателя, председателя“.

Завязалась новая перебранка и в пылу политических страстей снова по адресу г. Маркова летят не лестные эпитеты: „Он был у Миронова и расстреливал казаков“. По адресу ген. Калинина, казаки „посылают“ ... бутылки с ординером...*) Воцарился шум. Ген. Калинин с трудом восстанавливает порядок и предлагает перерыв на 10 мин.

Во время перерыва и перед собранием казаков г. Карев и г. Калинин советуются. После совещания, ген. Калинин предлагает избрать Председателя собрания. Голоса с мест: г. Карева! Дальше ведет собрание г. Карев. Целых 4 ч. ушло в пустую.

В кандидаты атамана выставляет передняя группа и попадают: г. Карев и ген. Калинин. Г. Карев отзывается, остается один кандидат ген. Калинин. Из 52

*) Французские простые вина.

присутствовавших казаков, голосуют 35, из коих 11 белых, а один шар за одного из казаков. Таким образом ген. Калинин 23 голосами оказался избранным в Атаманы станицы.

Председатель, г. Карев, запрашивает собравшихся о содержании Атамана станицы. Со словом выступает ген. Ермаков и заявляет, что Атаман должен служить за плату. Г. Карев ставит вопрос на голосование. Большинство за. Назначают плату: 300, 1000 и 1200 фр. Собрание утверждает 1000 фр. ежемесячной платы ст. Атаману. Г. Карев оставляет Председательское место, а ген. Калинин благодарит казаков.

В то время как донцы вели такой ожесточенный бой, братья-кубанцы собирались в поход на могилу Неизвестного Солдата и вели разговор о своем флаге. Единонеделимцы говорили, что они пойдут с русским флагом, а сыны Вольной Кубани отвечали, что у них есть свой Флаг, утвержденный Кр. Радой. Ген. З. не признает революционных достижений и идет на могилу с русским флагом. Идут на компромис, пойдут с русским и казачьим Флагами. Но казак, полк. Н. заявляет, что двойственность внесет обиду Матери-России, а поэтому братья Кубанцы решили, поднять только свой Флаг.

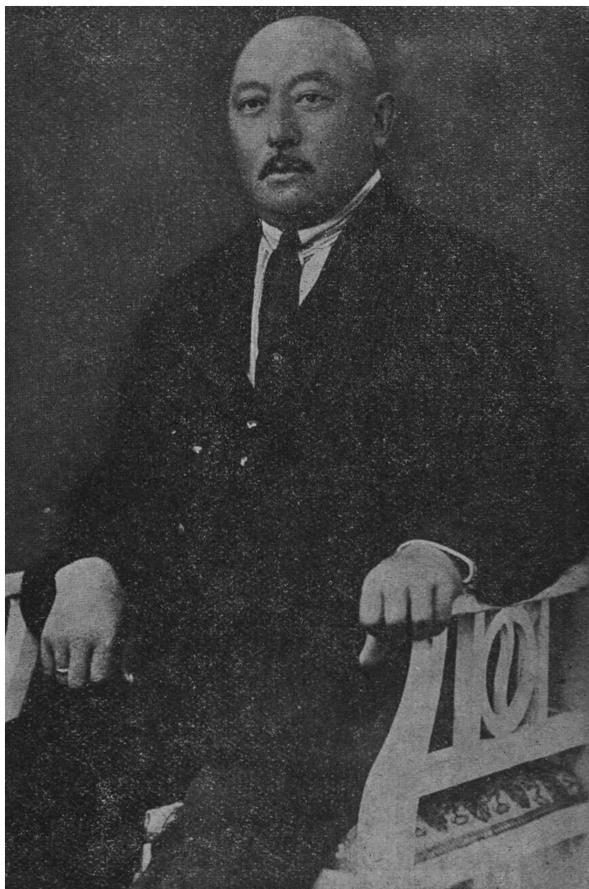
В ком же сила?! В тебе, родной-казак, но будем ждать новых выступлений со стороны тех, кто за десять лет ничему не научился...

„За волю казачью, за честь свою неподкупную...“ кипел и волновался казачий Париж в августе 1930 г.

(Соб. кор.)

Хроника калмыцкой эмиграции.

28 июля с. г. группа калмыков Белградской Калмыцкой колонии чествовала двадцатипятилетний юбилей общественной деятельности одного из старых и видных работников из среды донских калмыков Абуши Ап. Алексеева.

Полковник А. А. Алексеев.

Работа его, как представителя калмыков, была настолько заметна и видна в особенности в эмиграции, что его заочно знает почти вся Донская казачья общественность и ему не раз приходилось работать не только, как представителю калмыков, но и как представителю Донского Войска.

В номере 61—62 читатели „В. К.“, видели, как калмыцкая эмиграция дружно почтила память рано умершего своего национального деятеля полковника Тепкина. Это мы по заслугам почтили память умершего. Данный случай, когда отдают дань общественной работе человека при жизни, является в истории донских калмыков, по крайней мере на моей памяти, первым. И этот первый акт выпал на долю Алексеева не случайно, он его заслужил.

Полковник Абуша Алексеев — казак калмык. Родился в 1883 году. Начал свою деятельность работой народного учителя (с 1 сентября 1904 года) на каковой работе находится до первой мобилизации 1914 года. В феврале 1912 г. общество его родной Граббевской станицы избирает его, как лучшего хозяина земледельца в станице, членом Сальского окружного земельного совета.

Коллежский регистратор А. А. Алексеев на войну вышел рядовым казаком в составе 39 Донского Казачьего полка, где вскорости награждается медалью „за усердие“. В декабре 1915 года его командируют в Новочеркасское Казачье военное училище на краткосрочные курсы. В мае 1916 года по успешному окончанию школы он в первом офицерском чине временно зачисляется в 4 запасный полк. С июня до октября того же года он командирован в Средне-Азиатские владения для закупки лошадей в Войсковой конский запас.

После революции, от своей станицы, А. А. делегируется на I-й войсковый казачий съезд в гор. Новочеркасск, где был избран в Комиссию по выработке положения по созыву Б. Войскового Круга. Родная станица тогда же заочно выбирает его членом Первого Большого В. Круга и, активно участвуя в работах Круга, в июне 1917 года он избирается Кругом членом Донского Войскового (Калединского) правительства. На этой должности, заведая главным образом отделом лесоводства Дон. В., он служит до декабря того же года. В то же время А. А. в июне 1917 года был заочно избран Граббевским станичным атаманом, но нести работу по этой должности, состоя членом Войскового Правительства, он, естественно, не мог. Алексеев был также одним из участников Всеказачьей конференции 25—26 июля 1917 года.

В декабре 1917 года он получает назначение (в чине хорунжего) помощником Сальского окружного Атамана по гражданской части, но ввиду захвата власти на Дону большевиками он не успел приступить к исполнению служебных обязанностей и, во главе 204 казаков своих станичников, в составе Степного отряда уходит в Стешной поход. В апреле 1918 года Алексеев участвовал в работе Круга спасения Дона.

Тогда же после сессии Круга он взял на себя инициативу о формировании отдельного национального калмыцкого полка, имея ввиду этим избавить калмыков, рассеянных по разным частям, от роли исполнителей всяких карательных мероприятий, что должно было повести к озлоблению мужиков по отношению к калмыкам просто на национальной почве. Тогдашний атаман Краснов согласился с мнением Алексеева и отдал соответствующий приказ. Так возник первый калмыцкий национальный полк в Донской армии под названием „80 й Донской калмыцкий Зюнгарский полк“.

Командуя в первое время 4-й сотней этого полка Алексеев много потрудился тогда над снаряжением, обмундированием и соответствующим вооружением полка, что, принимая во внимание тогдашний недостаток всего указанного, составляло не легкую задачу. На этой должности, за боевые отличия, он произведен был в чин сотника.

Весною 1918 года Атаман Краснов поручил Алексееву работу по формированию национального калмыцкого полка из возрастов действительной армии. По мере очищения Сальского округа от большевиков и эта задача Алексеевым успешно выполняется. Так появляется молодой 3-й Донской калмыцкий полк.

Таким образом работа по формированию двух калмыцких полков в значительной мере продлевается А. А. Алексеевым. В июле 1918 г. на Сальском окружном совещании А. А. избирается помощником Сальского окружного атамана, на коковой должности, принося существенную пользу родному народу в восстановлении разоренного хозяйства, в уборке хлеба, как активный сельский хозяин и администратор, он пробыл до самой эвакуации. Находясь на этой должности он уделял время и работам Сальского окружного училищного совета, где он, как бывший учитель и любитель школьного дела, был заместителем председателя. На этом поприще он не мало сделал по восстановлению разоренных и запущенных школ по Сальскому округу и также по открытию новых.

В Крымский период он был избран Кругом Председателем Беженской комиссии. За свою полезную деятельность Алексеев был избран почетным казаком 2-х калм. станиц.

В Турции А. А. состоял представителем калмыков при Донском Атамане, а по отъезде Атамана и представителем его в Турции. Из деятельности его в эмиграции заслуживают внимания отправка детей калмыков в Болгарию в Сельско-хозяйственную школу и гимназию, многие из которых теперь получили или получают образование в Чехии, и устройство беженцев калмыков на обозную службу Английского оккупационного корпуса.

Но самым замечательным делом заграничной деятельности А. А. является его работа по постройке Калмыцкого Храма и школьной комнаты в Белграде. Как известно, благодаря его личному, хорошему знакомству с состоятельным и отзывчивым сербом Ячировичем ему удалось выпросить у него для калмыцкой колонии площадь земли и кирпичи, а также у других лиц иные материалы и денежную помощь. Правда и все калмыцкие колонии живо откликнулись на это дело, но только калмыцких сил и средств было бы не достаточно.

На днях Абуша Апелевич вновь единогласно переизбран Председателем Калмыцкой колонии в Белграде, на коковой должности состоит уже около двух с половиной лет. (Заместителем председателя выбран Учур Игнатов, секретарем С. Меньков и членом правления С. Шунгураев).

Само собой разумеется, что работа Абуши Апелевича, как и всякая общественная работа, в иной своей части, в иной группе людей вызывала и неудовольствия, но в общем итоге, все эти шероховатости, если они были, конечно тонут в массе положительных достижений.

Полковник Алексеев принадлежит к тому типу общественных работников, которые мало говорят, еще меньше рекламируют свою работу, но всегда что-нибудь делают и в большинстве случаев делают хорошо.

А. А. еще не стар. Калмыцкой общественности еще придется говорить о его работе. Прошедшее чествование его двадцатипятилетней деятельности пусть послужит окрыляющим моментом в его деятельности и подольет масла в огонь его национального горения и укрепит его веру в лучшие чувства людей.

С. Б.

1930 г. Август.

Среди калмыков.

31 августа Общекалмыцкая станица в Париже провожала своего сородича М. Шаршикова в Тунис, служащего там в иностранном легионе и дослужившегося там до сержан-майора.

Был устроен товарищеский обед по подписке. Шаршиков является в своем эскадроне вахмистром и, между прочим, в его подчинении находятся несколько гвардейских офицеров (русских) в качестве рядовых, для которых самым неприятным является то, что они в подчинении „казачка“, а тем более „какого-то калмычонка“.

Товарищеское собеседование за обедом началось благопожеланиями став. атамана Б. Н. Шарапова. Недавно приехавший из Праги Ш. Н. Балинов выступил с приветствием и в общих чертах, бегло рассказал о красивом и героическом прошлом калмыков, о

несчастной исторической судьбе их, о их недавней трагедии, о тяжелой доле в эмиграции, о поисках выхода из создавшегося положения (о Вольном Казачестве, Каз. Колониз. Комитете, о переселении в Америку); в заключение призывал братьев быть на торжестве возжжения казаками лампы на могиле Неизвестного солдата; разъянил смысл и значение как самой могилы так и предстоящего возжжения лампы казаками. Со словом пожелания уезжающему выступали: Священник Мухаринов, Бадья Ванькин, Бембе Кутушов, Бенжик Балинов и др.

(Соб. Кор.)

М. Н. Гусаков, помощн. ст. атамана в Ески-Джумая. Дома, на Дону, был 7 лет станичным атаманом ст. Николаевской.

О жизни казаков в Дебеляче.

Дебеляча, одно из больших сел в области Баната, исключительно с венгерским населением. Здесь нашли себе приют вначале казаки-калмыки, численностью до 100 человек.

Им, как знатокам по покупке и продаже скота, была предоставлена тогда возможность работать в этой области, так как здесь был недельный, базарный день, который значителен не только в области Баната, но и во всей Дунайской бановине.

Граждане села приняли казаков-калмыков хорошо.

Но многим жизнь здесь оказалась не с руки, за неимением капитала на расширение дела. И они мало по малу, в поисках нового счастья раз'ехались по Королевству, одни в соседние села, т. н. в Црепау, где и по ныне живет большая группа, другие же в Белград и т. д.

Тем, которые вначале окрепли, опять тяжело было бороться за свое дело, т. к. за неимением своей земли, приходилось покупать фураж и прокармливать купленный скот до следующего базарного дня. И они в конце концов покидали село и раз'езжались по своим знакомым сотоварищам, в Белград и за границу.

На смену им, приехали казаки донцы (Хоперского округа), где и поныне существует группа, организовавшая станицу „Дебелячинскую“, во главе со своим станичным атаманом С. И. Сатаровым.

Занятие у них разнообразное, есть портные, славящиеся не только в своем селе, но и в окрестностях; есть слесаря, торговцы, есть немногие чернорабочие-поденные.

Живут все дружной казачьей семьей. Часто вспоминают Тихий Дон, не забывают и Вольную Кубань вместе с Бурным Тереком.

Все одной и той же мысли — за возрождение родного Края и восстановление могучего и свободного Казачества.

Г. Алферов.

Провокация?

Есть в Праге так наз. „Общеказачья станица в ЧСР“. Злые языки говорят, что это есть организация сменовеховская, многие, если не большинство ее чле-

нов „зарегистрированы“ в местном советском „посольстве“. Одним словом, через эту станицу не то „возвращаются“, не то готовятся к „возвращению“.

Издает эта станица и свой „беспартийный, литературный и общественно-научный орган“, именуемый ныне „Казак“ (вышло за два года два номера). Мы бы вообще не упомянули здесь это „издание“, если бы не обнаружили во 2-м, недавно вышедшем, номере, может быть „остроумную“, но весьма гнусную вещь, за которой несомненно скрываются некоторые „задние мысли“.

Прежде чем говорить об этих „мыслях“, мы спросим читателей: слышали они когда нибудь, чтобы какой либо журнал публиковал тех кто эгот журнал купит? Думаем, что нет.

Так вот: на последней странице 2-го номера „Казак“ мы находим список под заглавием: „Розничная продажа и пожертвования на его (т. е. журнал „Казак“) издание“. Далее следует 68 имен. В числе них значатся Балинов и Билый.

Настоящим заявляем, что мы никоим образом не собирались поддерживать „Казак“ и ничего на его издание не жертвовали.

И. Билый.
Ш. Балинов.

Доверие „В. К.“ в Марселе.

Недавно на станичном сборе Марсельской станицы некоторые противники В. К. поставили вопрос о том, что „казначей станицы (С. И. Шепель) распространя-

ет среди казаков „В. К.“, чего, с их точки зрения, делать, очевидно, нельзя. Начался „обмен мнений“. Сам „виновник“ в конце концов поставил вопрос перед сбором так: приемлема ли идея В. К. для станицы? К большому конфузу для „инициаторов“ вопроса, сбор большинством 21 голоса против 5 вынес доверие В. К.

Общеказачий хутор в Крагуеваце.

27 июля с. г. в Крагуеваце состоялся сбор казаков. Решено образовать общеказачий хутор. Хуторским атаманом избран ген. Бочаров, его помощником — вахмистр Белоус, а писарем — А. Чекин (все трое — кубанцы).

Сбор Общеказачьей Доброводской станицы в Ромба.

3-го августа в 4½ ч. дня, в помещении кантины Казачьего Союза состоялся сбор Общеказачьей Доброводской станицы в Ромба.

После короткого доклада атамана Алексева о деятельности Правления за истекший год, сбор приступил к выборам Правления.

Избранными оказались: на должность атамана М. Н. Алексеев, помощника атамана Ф. Д. Петров и станичным писарем С. К. Поляков.

Доверенными: Савостьянов, Решетников, Саблин.
В Ревизионную комиссию: Боровков, Рябов, Насонов.
В 6 часов вечера атаман объявил сбор закрытым.

П. С.

В Казакии.

Новая административная реформа на „Северном Кавказе“.

В основном ядре Казачьих Земель, называемом большевиками Северо-Кавказским Краем, по приказу из Москвы только что проведена буквально в „пожарном“ порядке новая и очень крупная административная реформа: уничтожены округа, и районы непосредственно подчинены красному центру, Ростову.

Постановление об этом было опубликовано в краевой газете „Молот“ 8 августа, а уже к 15 августа предписывалось совершенно закончить ликвидацию округов, районы связать непосредственно с Ростовом и освободившихся служащих перебросить в районы.

В горских национальных областях система управления осгается пока без изменений.

В зависимости от экономического и главным образом от внутренне-стратегического и политического значения и веса, 87 районов края разбиваются на 3 категории. К первой отнесены 17 районов, центры которых расположены в узлах железнодорожных и водных путей или где расквартированы воинские части, регулярные или основные кадры территориальных. Так, районы Кавказский (Кропоткинский), Тихорецкий и Славянский отнесены к 1-й категории в то время, как Ставропольский — ко второй. Явно, что преимущество первых трех в том, что центры их в узле путей, и там расположены воинские части. Ставропольский же, экономически во всяком случае не уступающий им, но лежащий далеко, так сказать, от большой дороги, находится в одной категории с Невинномысским и Тимошевским.

Ко второй категории отнесено 25 районов и к третьей — 45.

10 городов, — Краснодар, Таганрог, Новороссийск, Ростов, Армавир, Ставрополь, Новочеркасск, Пятигорск, Владикавказ, Кисловодск, — также подразделенные на 3 категории, подчиняются непосредственно краевой власти на положении отдельных районов. Все же остальные города края входят в территории соответствующих районов, и их советы подчиняются районным исполнительным комитетам.

Всем райисполкомам переданы права, обязанности, присвоенные по действовавшему ранее законодательству ликвидированным окружным исполнительным комитетам. Городские же советы, непосредственно подчиненные крайисполкому, а также городские и сельские советы, подчиненные райисполкомам, управляются по старым положениям о них.

Все расходы по проведению мероприятий и содержанию учреждений, состоявших ранее на окружных бюджетах, переданы теперь на бюджеты городские и районные, и лишь в исключительных случаях, когда мероприятия будут выходить за пределы обслуживания города или района, и по особому всякий раз постановлению краевого центра, расходы могут быть относимы на краевой бюджет.

Для чего же, собственно, понадобилось ломать ту „стройную административную систему, которая была установлена всего 5 лет тому назад и от которой так много ожидалось ее творцами? В чем смысл этой реорганизации? Не в том ли, что путем уничтожения оказавшегося лишним целого административного звена большевики хотят удешевить аппарат управления и тем уменьшить налоговые тяготы населения?

О, нет, совсем не то, а как раз наоборот. Они — большие любители разводить разговоры на тему об удешевлении аппарата управления и занимаются этим при всяком удобном случае. Они — большие мастера, даже глазом не моргнув, доказывать, что черное совсем не черное. И тем не менее ни само „постановление о ликвидации округов“, ни даже сопровождающие и раз'ясняющие его газетные статьи не говорят об этом ни слова: настолько очевидно, что проводимая реформа чрезвычайно удорожает аппарат управления.

Опубликованные 15 августа в „Молоте“ „структура и штаты районов“ устанавливают 4 категории их по количеству служащих: 78, 62, 47 и 31 человек. Таким образом, если принять во внимание, что старые штаты районов определялись от 30 до 50 человек примерно, то усиление личного состава их доведено от 1½ до 2 раз. Фактически это значит, что вместо 10 бывших округов теперь их стало 87, не считая 10 городов. Следовательно, „реформа“ дала населению от 2½ до 3 тысяч новых диктаторов-паразитов.

Все чиновники округов направлены теперь в районы, причем § 32 „постановления“ за всеми ими сохраняется „получаемые в настоящее время ставки зарплаты“, а при составлении бюджета на 1930-31 г. „предлагает крайфинуправлению взять курс на подтягивание к этим ставкам окладов всех остальных районных работников соответствующих категорий“.

Тем не менее это не более половины того, на сколько увеличиваются расходы в связи с этой реформой. Об органах ГПУ в „постановлении“ ничего не говорится, так как его реорганизация, очевидно, выходит за пределы ведения краевой власти, да и не совсем удобным считается там говорить о таких вещах публично. Однако не может подлежать совершенно никакому сомнению, что об укреплении именно этих органов там уже никогда не забывают и заботятся о них в первую очередь. Это становится особенно ясным, если принять во внимание то обстоятельство, что „постановление о ликвидации округов“ не забыло „предложить краевому союзу потребительской кооперации, крайсоюзу колхозсоюзов, осоввиохиму и др. ликвидировать свои окружные центры, обеспечив к 15 августа бесперебойную работу и связь со своими районными организациями“. Совершенно ясно поэтому, что и ГПУ также соответственно реорганизовано. А это значит, что 10 окружных отделов ГПУ заменены 87 районными и 10 городскими отделами со штатами, лишь несколько уменьшенными по сравнению с окружными. Старые штаты райуполномоченных ГПУ состояли в среднем из 4—5 человек, а теперь, — можно утверждать, не менее чем из 8—12—15 человек. Таким образом, в самую толщу населения наших Земель сейчас брошена целая армия новых чекистов.

Насколько смысл проведенной реорганизации управления на Северном Кавказе более или менее ясно вскрывается в отчете Сталина 16 партийному съезду. „Сейчас, — по его мнению, — центр тяжести колхозного строительства перемещен в районные организации. Сюда стекаются нити колхозного строительства и всякой другой хозяйственной работы в деревне и по линии советов и по линии кооперации, и по линии кредита, и по линии заготовок. Достаточно снабжены нужными работниками районные организации для того, чтобы поднять всю эту разнообразную работу? Не может быть сомнения, что они снабжены работниками недостаточно. Что же нужно сделать, чтобы поправить этот недостаток и обеспечить районные организации по всем отраслям нашей работы достаточным количеством нужных работников?“ — С другой стороны, поясняя этот приказ московского диктатора, „постановление“ так определяет смысл реформы: „Ликвидация округов ставит перед собою задачу установления непосредственной связи края с низовыми организациями, улучшению этой связи, усиление их соответствующими кадрами, укрепление руководства (одеки, значит, командования) и приближение органов власти к населению“.

Наконец, газетные статьи еще более расширяют истинные цели реорганизации. „Обеспечить своевременный обмолот хлеба, проведение хлебозаготовок, поднять новую волну коллективизации, организовать распространение займа „пятилетка в 4 года“ (и десяток других, конечно) и собрать сельхозналог, — таковы важнейшие кампании, стоящие перед деревенскими организациями“.

Еще яснее становится смысл этой мертвой хватки большевизма диктатуры за самое горло хлебоборода из тех практических мероприятий, которые предписывает „постановление“. „Обязать Северо-Кавказский округ связи (почтово-телеграфное управление):

- 1) к 15 августа с. г. установить во всех без исключения районах радиоприемники и обеспечить внеочередную передачу всех директивных телеграмм краевых органов по хозяйственно-политическим кампаниям;
- 2) установить к 1 октября 1930 г. непосредственную телефонно-телеграфную связь г. Ростова с 55 районами и в течение 1930—31 г. — с остальными районами;
- 3) в течение 1930—31 г. закончить работу по организации телефонной связи районов со всеми стансельсоветами“.

При других обстоятельствах такого рода мероприятиям следовало бы только радоваться. В данном же случае, когда все это направлено к политическому удушению населения и высасыванию из него путем коллективизации, налогов и всякого рода займов последних соков, мы имеем все основания смотреть на это, как на новую петлю на шею населения Казачьих Земель. Спрут московско-большевицкого порабощения все глубже проникает и всесторонне охватывает своими омерзительными щупальцами тело нашего народа.

Однако, то обстоятельство, что все эти мероприятия и реорганизации сменяются одно за другим, как в колледжоскопе, показывает, что ни одно из них не достигает вполне тех целей, во имя которых они проводятся. Народ борется, и как ни тяжка обстановка, изыскивает меры самозащиты. Та же лихорадочная спешка, с которою проводится эта новая реформа, и то расточительство, которым сопровождается она при катастрофическом падении валюты, свидетельствует, по видимому, что революционная энергия у нашего народа накапливается быстро и, может быть, близка к тому, чтобы вылиться в формы активной, наступательной борьбы. Рука порабощителя судорожно тянется к горлу порабощенного. Это, во всяком случае, — не есть признак того, что он чувствует себя спокойно и уверенно.

Ф. В.

Уборка, обмолот и заготовка хлеба на „Северном Кавказе“.

I.

В период расцвета НЭПа — годы 1924—25—26, — когда большевизм государство меньше всего вмешивалось в хозяйственную жизнь хлебоборода, отказавшись от „руководства“ и предоставив ему своими силами и умением восстанавливать разрушенное войною хозяйство, в августе и сентябре государственные и кооперативные ссыпки едва успевали принимать привозимый для продажи хлеб. С того же времени, как большевики стали на путь ликвидации НЭПа и „развернутым фронтом“ пошли к строительству социализма в одной стране, когда хлебоборода был лишен возможности свободного хозяйствования, картина резко изменилась. Приток хлеба на рынок стал быстро падать, и к осени 1927 г. дело дошло до того, что города так называемых потребляющих районов, т. е. центральных и северных губерний России оказались перед возможностью остаться в зиму совершенно без хлеба. Большевизмские диктаторы обратились к „государственной заготовке хлеба“, к „разъяснительной работе“, и тюрьмы Казачьих Земель и Украины до отказа оказались забытыми хлебобородами, превратились в „дома отдыха крестьянина“. На это хлебоборода ответил резким сокращением посевов.

Так началась новая война между „рабоче-крестьянской властью“ и крестьянством, война потребляющего Севера с хлебопроизводящим Югом.

Колхозы, красные обозы, хлебные конвейеры и эстафеты, — все это ни что иное, как новые формы этой новой войны.

Приводимые ниже выписки из краевой газеты „Молот“, издающейся в Ростове, иллюстрируют ход этой войны в настоящее время.

Постановление президиума Сев.-Кавк. краевого исполнительного комитета.

По данным обследования и сводки на 15 августа положение с ходом уборки и обмолота внушает серьезнейшие опасения.

В значительной части районов скошенный хлеб разбросан по полям в копцах и даже валках, до сих пор не сложен в скирды и стога. Малейшее изменение погоды (дожди) немедленно же повлечет за собой значительное прорастание и гибель хлебов. Всего обмолочено в крае до половины урожая. Задержка обмолота хлебов в свою очередь влечет за собой угрозу срыва плана хлебозаготовок и крайне затрудняет своевременную подготовку к осенней посевной кампании.

Все это есть результат исключительной неорганизованности и нераспорядительности во всей работе по уборке и обмолоту и исключительно невнимательного отношения к этой кампании правлений колхозов, сельстансоветов и райисполкомов и общественных организаций.

В связи с возможным выпадением дождей и в целях предотвращения прорастания и гибели хлеба, обязать все Райисполкомы, Райколхозсоюзы, Райполеводсоюзы, правления колхозов и сельстансоветы в течение ближайших дней, но не в коем случае не позже 30 августа, сложить весь скошенный хлеб в скирды и стога.

(„Молот“, 21/VIII.)

Насильственно загнанный в колхоз, хлебороб сопротивляется и борется всеми возможными в его положении мерами и средствами, используя всякую подходящую обстановку. Корреспондент из ст. Павловской, Кубанского округа, пишет: Позорно отстал Павловский Колхоз „Путь Хлебороба“.

В колхозе „Путь Хлебороба“, Павловского района, уборка, обмолот хлеба проходят безобразно. Работы затягиваются из-за полного отсутствия трудовой дисциплины среди колхозников. До сих пор около 60 проц. хлеба не обмолочено. В течение месяца 28 молотилок убрали только 4600 га.

Резка подсолнуха поставлена преступно безобразно. Подсолнух от жары весь созрел, но с уборкой его не спешат. Не организован труд, участки не прикреплены к бригадам.

Местами подсолнухи перезрели и им грозит гибель. Колхозники безобразно относятся к работе. До обеда поработав, они объявляют „перерыв“, начинают резать и молотить семечки себе в мешки, а затем уходят домой.

(„Молот“, 20/VIII.)

Прорыв на хлебном фронте.

II.

В июле план хлебозаготовок по индивидуальному сектору выполнен всего на 59 процентов. Казалось, эта цифра должна была приковать к себе внимание всех местных организаций. Нужно было ждать, что места не пройдут мимо уроков июльских заготовок.

Но начало августа нисколько не говорит о переломе в хлебозаготовках у единоличников. Напротив, в первую августовскую пятидневку по краю наблюдается снижение темпа хлебозаготовительной работы. В таких округах, как Армавирский, Майкопский, Черноморский, заготовки хлеба у единоличников совсем незначительны (план выполнен на 2—3 проц.). Основные хлебные округа края — Донской и Кубанский — показывают за первую августовскую пятидневку только 4 и 5 проц.

В ряде мест наблюдается стремление превратить зерно в муку, чтобы продать ее по высоким ценам на частном рынке.

(„Молот“, 8/VIII.)

III.

Чем дальше, тем плачевнее результаты, тем больше нажима и репрессий даже по отношению к партийным организациям, не говоря уже о хлеборобе.

Постановление бюро Северо-Кавказского краевого комитета партии В. К. П. от 28 августа объявляет строгие выговоры с предупреждениями за слабость руководства обмолотом и хлебозаготовками местным парторганизациям по районам Ейскому и Краснодарскому. Курганское же райбюро обвинено в правом оппортунистическом (приспособленческом) уклоне и распушено.

Постановление от 2 сентября „отмечает, что районы: Славянский, Краснодарский, Невинномысский, Мечетинский, Староминской, Ейский, Заветинский, Павловский, Тацинский, Новочеркасский, Майкопский и Моздский идут ниже неудовлетворительной средне-краевой. В этих районах большие массы хлеба остаются на полях в валках, ничего не сделано по выполнению директивы райкома и крайисполкома в свозе хлеба в скирды, за последнее время не намечается увеличения темпа обмолота“.

Из „оперативной“ сводки на 2 сентября:

Мечетинский район. По району обмолочено

только 40 проц. скошенного хлеба. В колхозе „12 годовщина Октября“ обмолочена треть урожая. Половина колхозников, под влиянием безнаказанной кулацкой агитации, не выходит на работу.

Александровский район. В селе Калиновском кулаки перевозят свой хлеб для обмолота в другие села.

В ст. Александровской кулаки, чтобы сорвать обмолот, прячут в снопы скошенного колхозом хлеба большие камни и железо. Судебные организации не привлекли ни одного кулака к суду.

Изобильно-Тищенский район. В коммуне „10-летие Октября“ молотобу преступно затанули. Хлеб весь скошен, а обмолочена лишь половина его.

Шахтинский район. Колхоз „Красный Октябрь“, Ягодинского сельсовета, должен был закончить обмолот к 1 сентября. Однако по сей день больше половины скошенного хлеба лежит в поле.

Безобразно медленно* проходит обмолот хлеба в пригородных к Ростову хозяйствах. Сельские советы и правления колхозов больше времени проводят в городе, чем в поле.

Между молотом и наковальней.

Сельские партячейки не сумели до сих пор противопоставить кулаку активность бедняцко-средняцких и колхозных масс. Больше того! Отдельные коммунисты, даже целые ячейки сдали позиции классовому врагу, сделали его агентами. Большинство, например, коммунистов ст. Вознесенской не открывают своего лица даже на партийных собраниях. По докладу о ходе хлебозаготовок на последнем собрании выступили четыре партийца и только могли пролететь, что „раз задание дано, то мы — за“. Там же где присутствуют беспартийные, коммунисты боятся выступать. Существует какая-то массовая боязнь. Некоторые партийцы, даже из числа актива, на бюро и собраниях голосуют за выполнение плана, а выйдя на улицу, жалуется:

— План не выполним...

В той же Упорной и в Николаевке, среди коммунистов чувствуются упадочные настроения, боязнь трудностей, бесперспективность:

— С массой ничего не сделаешь. Единоличник не хочет сдавать хлеб...

Как „выход“ вносятся предложения применять к средняку чрезвычайные меры. Но „тараканов“ испугались не только рядовые коммунисты. На последнем заседании бюро райкома, где отчитывались о ходе хлебозаготовок секретари ячеек наиболее отстающих станиц, также слышались правооппортунистические нотки. Например, секретарь партячейки станицы Успенской до конца раскрыл свое правоуклонистское лицо. Ведь, что он говорил? Он доказывал, что массовая работа развернута „вполне достаточно“, „что все рычаги приведены в действие“, а хлеб идет совсем плохо. Вывод: ничего не сделаешь, надо уступить позиции кулаку. Так же, примерно, говорили и секретари ячеек станиц: Вознесенской, Урупской, Упорной. В их словах звучала полная растерянность перед трудностями, потеря веры в массы, бесперспективность. Характерно, что в выступлениях этих товарищей совершенно отсутствовали слова: „классовая борьба“, „кулак“. Как будто бы на селе царит классовый мир и спокойствие.

(„Молот“, 30-VIII.)

Прорыв и на промышленном фронте.

IV.

И без того низкая производительность заводов, фабрик и шахт продолжает неуклонно падать, прогулы стремительно растут, рабочие, особенно постоянно работающие и, следовательно, лучшей квалификации, бегут: видно, даже и им далеко не сладко живется.

Четвертая часть годовой программы по промышленности края еще осталась невыполненной. Таков итог работы промышленности за 10 месяцев. Средний процент выполнения по промышленным предприятиям края — 76,6 (без пищевой промышленности, которая выполнила программу за 10 месяцев на 82 проц.).

В десятом месяце хозяйственного года — в июле

— вся промышленность края в общем дала продукции почти на два процента меньше, чем в предыдущем месяце.

Прогулы стремительно растут. В третьем квартале хозяйственного года, прогулы достигали 16,19 проц., а в июле прогулы выросли до 20,15 проц. Систематические невыходы на работу приняли угрожающий характер.

Особенно неблагоприятно с прогулами в прокатном и железнодорожном цехах. В июне вынесено 492 взыскания, большинство из которых за прогулы. В июле количество взысканий возрастает до 588. Большинство взысканий — за небрежное отношение к работе, прогулы и уход с работы до срока.

Текущая рабочей силы растет из месяца в месяц. В июне ушло с производства 253 человека (прибыло в этом месяце 625 человек). В июле убыль уже 541 человек. Текущая на этом заводе носит специфический характер, она дает большие скачки вверх. Особенно тревожно с текущей в том смысле, что колоссально возросло количество ушедших с производства за счет постоянных рабочих. В июне самовольно ушло 13 постоянных рабочих, а в июле 213.

(„Молот“, 19-VIII).

Северный Кавказ снизил темпы хлебозаготовок.

„Известиям“ от 9 сентября сообщают из Ростова: Хлебозаготовки за первые дни сентября резко снизились. За 5 дней по Краю заготовлено всего 9 проц. месячного плана, — в 2 с лишним раза меньше предыдущей пятинедельки. До сих пор не выполнена директива Крайкома о немедленном изъятии кулацкого хлеба и поголовной проверке выполнения кулаками твердых заданий. В ряде районов месячный план выполнен всего от 1 до 3 проц.

„Правда“ от 11 сентября подтверждает, что первая пятинеделька сентября дала тревожные показатели также по обобществленному сектору. Колхозы за 5 дней выполнили только 7,2 проц. своего месячного плана, вместо 17 проц.

Из писем из дому.

I.

Дорогой дядя, Я. Г.! прошло много времени с тех пор, как я прервал с Вами переписку по неизвестным для вас причинам. В настоящее время я свободный, опять могу иметь с вами переписку, но с условием, на меня не посылают, а адресовать куда нибудь на сторону, с передачей мне, свое я уже отнес. С 7-й группы меня вышибли, сейчас дома, ничего нигде не работаю, помогаю маме, потому что папы дома тоже нет, свое ремесло он бросил и уехал заниматься иной профессией, хотя она и в корне запрещена, но он с ней справляется. Учиться я еще пытаюсь дальше, хотя мне теперь очень и очень трудно, так как у нас учатся: колхозники, бедняки, батраки рабочие; если же мне не удастся учиться, то приятель папы обещает меня взять к слесарным мастерским; придется поработать годика два, а потом доучуся, иного выхода нет.

Живем очень скверно и страшно бедно, все страшно дорого. Гарба сена стоит 40—50 руб., десяток яиц стоит 1 р. 50 коп., булка хлеба 3 руб. Как будет дальше не знаю. Хлеба нам пока по немного выдают. Хлеб молотым, урожай скверный. Общая ориентировка — 30 пудов с десятины у нас на Кубани. Культура скверная, огороды средние. Все наши родственники живут ужасно скверно, никто нигде не служит, все голодны, голы и босы, в особенностях семья Р. (Он бывший войсковой старшина ст. У., убит большевиками в 1920 г. в Архангельске, как заложник). В общем кругом плохо...

II.

Здравствуй, дорогой мой И...

... Находимся все мы в колхозе, быки и повозка там, а у нас одна хата да телка с поросенком; и то осенью заберут в колхоз...

В. кукует как кукушка день и ночь за Маней... Они с Г. на Соловках... Бабушку О. выслали со двора (а ей около 100 лет)... Детей у М. 8 душ. Немало мы слез пролили, как их провожали голых и голодных...

Эх, И...! эх — жизнь! все на небо смотрим, а чего

там увидим, сами не знаем... Ожидаем Божьей милости...

День прошел — Слава Богу, — так и живем...

До скорого свидания Е.

III.

Здравствуйте И. П! Мы живы — здоровы, но не все... Вы пишете, чтобы мы прописали, кто умер, а кто живой? Вот я Вам пропишу: Гордей С. Е., мой дорогой супруг умер 23 марта 1930. Его болезнь и смерть такая, как вашего сына К. Остался я с 4 малыми детьми... Еще: Евсей П., Сергей С., Аким К., Василь П., Федор С., Герасим Е., Андрей З. — всех их поминайте. Смерть одна всем и одно число. Афанасий Ник. один в Соловках, а Тим. Л. там с женой. А мы все оставшиеся — несчастные семьи. Говорят, что и нас — на высылку. Хозяйство у всех конфисковано...

Петр И. дома, но хозяйство конфисковано, а Евсей С. на Соловках. Там и Иван Г. с женой. Все М. готовится на Соловки...

Много, много наболело на сердце... Вот пишу эту записку и всю обливаю слезами, не могу даже всего и описать...

Еще Т. умер, как Гордик, и кроме — много, много...

.. До свидания — Д.

IV.

Здравствуйте, дорогой куманек!

Сообщаю Вам куманек, что пишу опе письмо у плавні, в комишах, там де колись ми били диких кабанів, і я тут не один, а нас до 400, і боримось з комуністами. Не забудь, куманек, що пишемо тобі, а ще одно пишемо комуністам, так же як колись наши предки писали Султанові Турецькому, так і ми об'являем, що ми будем битися огнем и мечем, землею и водою до послідньої каплі крові і ми їм не віримо, що вони пінуть, щоб ми покаялись і нам нічого не буде. Дорогой куманек, счастливий ти, що пішов туда і живеш там спокійно, а ми тут воюем. Ти, дорогой куманек, ошибаєшся, що пишеш, що ми тут нічого не робим і кажеш, що ми тут п... Е, ні, куманек, ми тут не слімо, а б'ємось на живот и на смерть і хочемо наш Край спасти и одстоять костями і кровью, як Бог нам допоможе; всякий день наше Войско прибавляється, приходять до нас козаки, черкеси і городивики, і такі поприходили, що були у красній армії, поприходили, як ті собаки биті, хвосты поприжимали ну ми їх хотіли у куле та у воду, вони почали просиця і ми подивились, посоветовались — що зробиш, теж наши козаки — простили, ну, думаем у тому году щось зробим, или всі погибнем или ослободимо нашу Кубань, од кацапської св...; все б було уже давно рішено, но у нас тут дуже багато організацій і одна другій мішали, а тепер прийшли у одно — спасти Край, вигнать отіх Ванькив.

Спасибі тобі, куманек, за Ваше письмо і дуже задоволені „Кавказским Казакком“ і „Вільним Козачеством“, як читали так і плакали, — як воно же наше рідне; подавай опять через ... Там теже наші. А ще, куманек, скажи генералу Науменко, що він Батько не тіки ваш, а і наш, ми признаем тіко його, як сини свого рідного Батька, желяем ему кріпкого здоровля, скажи ему, що у нас ще есть порох у порохівницях і ще уміємо постоять за віру православну і за Кубань рідну. Ще б писав, так бумаги мало, а прокляті комарі прямо заїдають. А вчора завоювали большевицькій пароход, багато кой чого забрали, а кой кого у Кубані потопили, а кой кого з собою забрали, а кой кого пустили на слободу. А у Томані як підложили козацкого пороху під совдеп, так рознесло все к чортовій матері, двери аж у Фанагорії найшли, а комуністи всі пропали. Отакі то у нас діла... (Получено в Югославії 11-VIII).

Р о з ы с к и.

Василия Львовича Подскребалина, бывш. кадета Донского Корпуса, просит откликнуться В. З. Стекольников (Княжеви-Виногради, Jugoslavije).

Лиц, знающих что-либо о судьбе Онуфрия и Григория Булах (каз. ст. Таманской) просит сообщить: Pierre Bulach, rue des Venues, chez Geurts, Winterslag, Belgique.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Radhořtská, 9. Tchecoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.